

Вера Николаевна Радостная

Найди выход, найди вход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43159287

SelfPub; 2019

Аннотация

Как-то раз Марианна просыпается в комнате, где нет ни дверей, ни окон. Что произошло? Как теперь выбраться на свободу? Вскоре девушка понимает, что не одна... Пространство искривляется, время пульсирует, тишина проглатывает фразы героев. Стоп, а разве выход не там же, где и вход? Книга-путь и книга-взлом. Сможете ли выбраться вы сами?!

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Внутри	5
Глава 2. Шкаф	13
Дневник (День первый)	21
Глава 3. Лабиринт	26
Глава 4. Двери	35
Глава 5. Ключ	43
Дневник (День второй)	53
Глава 6. Кухня	59
Глава 7. Проход	67
Дневник (День третий)	73
Глава 8. Дом	76
Дневник (День четвертый)	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Предисловие

Не стоит искать истину там, где её нет или где она очень умело спрятана. Ни первое, ни второе не даст результата, а если что и выйдет, то совсем не то, чего вы ждали, на что надеялись и во что всю жизнь свято верили.

Это нехороший роман. Дикий, нервный, больной, сумасшедший роман.

Меня никогда не интересовали жизненные романы, когда чувствуешь себя зевающим наблюдателем серой реальности незнакомых людей.

Я знаю, что жизнь на самом деле не такая. Здесь я покажу её той, какой вижу сам. В ней выпуклое, вогнутое, передвигающееся пространство, скачущее, истерично хохочущее время, а субъекты её не так просты и безлики, как кажутся на первый взгляд. Они изменчивы под стать самой жизни: гениальны и злы, человечны и глупы – и уж точно такие же странные, небезопасные и рехнувшиеся, как и сама жизнь.

Но посмотрите вокруг: не мне с вами их в этом судить, правда?..

Глава 1. Внутри

●

– Моя бабочка,
Неужели попалась? -
Дышат пять углов.

Марианна с неохотой открыла правый глаз. Вспомнив, что сегодня выходной, она с удовольствием поспешила его закрыть.

Было тихо. Царил полумрак. Марианна снова открыла правый глаз: что-то мешало держать его закрытым. Струйка слишком яркого света была направлена прямо на него.

«Почему свет синий, когда на окнах коричневые шторы?» – подумала она.

Марианна повернулась и уткнулась носом в мягкий пух подушки.

Почему подушка пахнет сиренью? Девушка перевернулась на бок и накрылась с головой одеялом. Она не хотела прогонять сон.

Осознав, что всё-таки проснулась, Марианна открыла оба глаза: под одеялом было темно.

Почему воздух пахнет сиренью? Девушка нехотя отдернула одеяло. Сквозь темноту пробивался тонкий луч света.

Марианна подняла голову вверх: потолок выглядел не таким белым, как раньше. Внезапно её зрачки быстро задвигались. Она закричала. Крик разнесся по комнате, залетев в каждый угол, и, наткнувшись на упругие стены, смешался с воздухом. Задохнувшись, он хотел убежать, но бежать было некуда.

Комната представляла собой квадрат со стороной четыре метра. Потолок был желтоватым. Прямо на середине в глаза бросалось выжженное пятно, откуда свисал кабель электропроводки. Вместо люстры в патроне виднелась одна лампочка.

Марианна вскочила с кровати. Она была одета в свою ночную рубашку, на полу лежали ее тапочки. Она автоматически надела их и сделала пару шагов. Пол был покрыт трескучим старым линолеумом. В одном месте его наспех отодрали, а затем положили линолеум другого цвета. Обои, приклеенные вкривь и вкось, имели непонятный сине-зеленый оттенок. После недолгих наблюдений становилось ясно: первоначально они были все-таки синего цвета, успешно вытершегося в зеленую грязь.

Мебели пожалели. Немалую часть пространства занимала кровать. Марианна остолбенев разглядывала ее. Ложе казалось ей знакомым. Оно выглядело двойником той койки,

на которой девушка спала дома. Такая же узкая и слишком мягкая.

Девушка не могла отвести от нее взгляд. Любимая кровать, в которую мама приносила чай с лимоном, когда девушка болела. То единственное, что соединяло ее сейчас с домом.

Марианна резко отвела глаза. На стене около кровати кто-то натянул дырявый кусок синей ткани, за которой был спрятан карманный фонарик, свет которого ткань делала синим. Слева от кровати находился неработающий холодильник. Возможно, теоретически он работал, но не проверишь: розетку рядом не сделали.

Она обреченно открыла дверцу. В холодильнике лежали две буханки хлеба с отрубями, пакет стерилизованного молока, пять яблок, вонючий сыр и банка с солеными огурцами. Рядом стояла десятилитровая бутылка воды без этикетки.

За ней соперник кровати по захвату территории – пустой шкаф-великан. Около него сделали выемку, пятый угол, в котором топорщились туалет и раковина. Ванны не было.

Стоило девушке оглядеться вокруг, как она сразу заметила главную особенность комнаты: в ней не нашлось ни дверей, ни окон. Ни на потолке, ни в стене, ни на полу – ни единой дыры.

Марианна сильно зажмурилась. Ей хотелось верить, что это только странный сон. Скоро она откроет глаза, и комната станет знакомой. Девушка окажется дома. Глаза открылись,

но ничего не изменилось.

Темнота.

Яркий свет по диагонали.

Пять углов.

Она прошла вдоль стен в надежде отыскать дверь, но ничего не получилось, и она снова легла, закуталась в одеяло и попыталась уснуть.

Во рту пересохло, от темноты и тусклости света гудела голова. Марианна настойчиво лежала в кровати, зажмурив глаза и стараясь уснуть. Щекой она терлась о подушку, стремясь прогнать из головы дурные мысли и сводивший с ума резкий запах сирени. Девушка громко дышала, от напряжения расчесывала запястье, пока оно не покраснело и не стало шелушиться.

Комната не исчезала. Наоборот, она словно разрасталась, заполняя окружающее пространство. И вскоре Марианна не выдержала: она безудержно затряслась и во весь голос закричала.

Полегчало.

Тогда она стала кричать снова и снова в надежде услышать в ответ голоса или эхо или любые звуки, говорившие ей, что она жива и еще не сошла с ума.

В ответ – только тишина.

Ни звука.

Кричать становилось бесполезно. Ни единого ответа. Всепоглощающая тишина.

Она встала и подошла к раковине, дрожащими руками открыла кран. Сначала полилась желтая вода, затем она посветлела. Марианна ополоснула лицо, шею, руки. Ей было жарко, казалось, что поднялась температура. Внезапно кран дернулся, вода хлынула рекой, потом потекла тонкой струйкой, потом вовсе пошла по капле.

Крик.

Марианна глубоко задышала и попыталась собраться с мыслями. Что с ней произошло? Где она? Зачем она здесь? Почему именно она? Почему сейчас?..

Только вчера Марианна наблюдала в окно за проливным дождем и гадала, что родители делают на даче в такую погоду.

Разве может быть комната без дверей и окон? Откуда поступает воздух? Если он не поступает, надолго ли его хватит? Сколько сейчас времени? И сколько осталось до удушья?..

Сердце от волнения сильно застучало. Представив удушье, она начала по-настоящему задышаться, жадно глотая спертый комнатный воздух. В голову отчего-то пришли мысли об инопланетянах. Похищения. Эксперименты. «Всё это глупости», – заверила она себя.

А вдруг?

Марианна простучала каждый миллиметр стены, в надеж-

де отыскать в ней тайную дверь, скрытый выход, потайной ход – любое, что могло помочь ей выбраться из комнаты.

Безуспешно, только бетон.

Она двигала холодильник, пинала кровать, чтобы та хоть немного ушла в сторону. А если дверь просто спрятана?

Девушка уставилась на шкаф, оценивая свои силы. Да он весит в два раза больше ее! Она залезла внутрь и со всей силы ударила по задней стенке.

Двери нет.

Только книга. В шкафу она нашла толстый англо-русский словарь. Внутри обычные, напечатанные черным шрифтом слова. Никаких строк не выделено. Все страницы на месте.

Бессмысленно.

Оценив содержимое холодильника, Марианна решила экономить еду. Она понюхала сыр и посчитала это достаточным на завтрак. Или обед. Или ужин.

Угадать время суток было невозможно. Как и день недели. Её могли чем-то напоить, чтобы проспала несколько дней. Или просто стукнуть по голове, чтобы потеряла сознание.

Марианна, извернувшись, осмотрела себя с ног до головы. Ни ушибов, ни следа от укола не нашла.

Она задумалась, кто мог совершить такое.

Никаких догадок.

Голова загудела ещё сильнее.

Марианна стала громко кричать и уверять стены (потому что больше никого не было) в том, что они ошиблись, что её

с кем-то перепутали. Спустя время крики смешались с угрозами, что это противозаконно, и вообще сейчас приедет полиция и всех заберет. Потом угрозы превратились в мольбу, что она не виновата и чтобы её отпустили. Осознав, что никакого ответа не последует, девушка разрыдалась и пылко обматерила окружающий воздух.

Время текло. Было трудно определить, какой сейчас день, час, минута, и вообще день ли сейчас или всё-таки ночь. Оставалось только ждать.

Спать.

Читать английский словарь.

Разговаривать с собой.

Отдирать линолеум. Это снимало напряжение.

Марианна съела яблоко, но её вырвало, и она пожалела, что это был не сыр, потому что его всё равно противно было бы есть. Вот так он вонял.

«Это тот маньяк, – подумала она, ложась в кровать, – который убивал девушек в нашем районе».

Я – следующая жертва. Он не убивает сразу. Он похищает, сажает в комнаты без дверей (только как?), смотрит, как жертвы страдают (где-то вмонтирована камера), убивает, оттаскивает тела в лес и ищет новую.

Зачем помещать человека в эту странную комнату? Психопат.

Сколько может стоять такая комната вместе с миниатюрной камерой? Богатый психопат.

Как перенести тело сюда одному? Работает не один.

Зачем оставлять здесь воду и продукты, если ты – убийца?

Гурман.

Спать было невозможно. Мучили страшные видения, в голову лезла всякая дурь. Об убийстве. Самоубийство исключалось. Ни острых предметов, ни ванны, ни стула для повешенья. Банка с огурцами на деле оказалась пластиковой. Если только разбить единственную лампочку и стеклом...

«Не время впадать в отчаяние».

Марьяна лежала на кровати и смотрела на дырявую синюю тряпку. Будто она сама такая же: надорванная и лишняя. Девушка со злостью сорвала ее и отшвырнула к холодильнику.

«И почему убийца думает, что именно он – убийца?!» – задумалась она.

Глава 2. Шкаф

●
Нет ни выхода,
Ни входа, ни надежды.
Спасет старый шкаф.

Ела Марьяна по большей части мало, так как слезы текли у нее из глаз, не переставая, по инерции. К тому же сильно тошнило, и болела голова. Одолевали скверные мысли о ближайшем будущем, возникали смутные образы и непонятные тени по углам. Всякий раз она вздрагивала и нервно терла руками лицо. Казалось, что девушка потихоньку сходила с ума.

Марианна спала с открытыми глазами. Они заполнились слезами, набухли и с болью закрывались. Её лицо было мокрым, красным и распухшим.

За стеной раздался глухой звук, словно скрип. Девушка вздрогнула и затряслась от страха. Её замутило, и она с новой силой разразилась истерическим плачем.

Звук повторился. Раздались приглушенные всхлипы. Будто бы за стеной тоже кто-то плакал.

Марьяна дрожала. Всхлипы за стеной становились всё сильнее и отчетливее. Обезумевшая от испуга девушка от-

крыла дверцы шкафа и спряталась внутри. Сжавшись в комочек, она съежилась в углу и судорожно затряслась. Голова раздулась от напряжения, и разум стал терять способность воспринимать происходящее. Она стучала кулаками и кричала, что не хочет умирать.

Тут случилось невероятное: задняя стенка шкафа приподнялась, и Марианна увидела в темноте узкий проход. Как раз можно пролезть! Ни секунды не думая, девушка двинулась на четвереньках вперед.

Было сыро и пахло холодным камнем. Дышать становилось тяжело, руки постоянно натыкались на липкую паутину. Внезапно Марианна наткнулась на преграду. Тупик.

Дальше девушка рванулась напролом. Послышался невероятный грохот. Марианна подалась вперед и упала. Было темно. Над головой что-то висело и едко пахло ванилью.

Вешалки. Это тоже был шкаф, только другой. Марьяна тихонько заныла. Она неудачно упала на ногу, которая теперь болела. Точно будет синяк!

Рядом послышался шорох. Марианна замолчала. Главное, чтобы никто не открыл шкаф. Но было уже поздно: дверцы распахнулись, и, дернувшись, девушка вывалилась.

Молодой человек откинул рукой прядь черных волос

и раскосыми, чуть покрасневшими глазами уставился на шкаф. Что-то как раз сильно грохнуло внутри него. Он глубоко вздохнул и сконцентрировался, потерев пальцами нефритовый кулон на шее. Потом прислушался к тишине и одним резким движением открыл дверцы. Что-то большое и грязное упало к ногам.

Ему вспомнились детские сказки о странных нечеловеческих существах, живущих в этом мире. Их следовало опасаться и уважать. Ками звались они. Обладая сверхъестественной силой, ками могли принести человеку как пользу, так и вред. Он снова сосредоточился, дотронувшись до кулона. Теперь в памяти всплыли картинки с неуловимыми ниндзя, способными проникать через стены и превращаться в животных.

В следующую минуту все сомнения развеялись. Нечто, выпавшее с такой тяжестью и шумом, оказалось вполне человекообразным существом. Только грязным и в ночной рубашке.

Марианна нервно поднялась. Она удивленно осмотрелась и, остановив взгляд на мужчине, не решилась ничего сказать. Он же, придя в себя, учтиво поклонился и пролепетал по-английски: «Хиро Коджиямо. Очень рад нашему знакомству».

Говорил он как-то чудно, но несмотря на растерянность, девушка его отлично поняла, хотя никак не могла представить, как знакомство окажется радостным.

– Марианна, – представилась она по-английски. – Ты

убийца?

– Чей?

– Что значит «чей»? Ты убиваешь девушек?

– Нет. Я психотерапевт.

Марианна нервно засмеялась. Психотерапевт в черных брюках и белой рубашке с короткими рукавами скрестил руки на груди.

– Тогда что ты здесь делаешь? – хихикнула она.

– Меня похитили.

Ей хотелось узнать всё: кто он такой, почему здесь и связано ли то, что их шкафы соединены тайным проходом, но усталость и чувство голода совсем вымотали её. Молчание давалось лучше, чем какие-либо слова.

Шатаясь, Марианна дошла до чужого дивана, устало села и вылупилась на дверь. Тяжело дыша, она глядела на неё, сверлила взглядом, словно пытаюсь разглядеть, что за ней спрятано.

– Дверь заперта, – понял её Хиро.

Марианна с горечью посмотрела на него и пробормотала: «Она заперта, но она существует».

– Это просто чья-то очень глупая шутка, – начал японец, ходя кругами по комнате. – И, похоже, я даже знаю чья. Утром мне позвонил фанат, хотя я не давал ему номер телефона. Он говорил о каком-то сюрпризе. Я слушал вполуха. Затем в обед к дому подъехала машина. Мне стало интересно, вышел посмотреть. Тогда два самурая затащили меня

в машину, а когда попробовал сопротивляться, они что-то вкололи в плечо. Сразу закружилась голова...

– И...

– И я оказался здесь. У фанатов, видимо, свои представления о сюрпризах, – закончил он, глядя на Марианну. – Так ты и есть сюрприз?

– Я понятия не имею, кто вы такой, и тем более не знакома с вашими так называемыми «фанатами», – девушка закатила глаза. – Меня тоже похитили, тоже заперли в комнате! Только, вот, сюрпризов не обещали. Со мной вообще вот уже несколько дней никто не говорил!

– Простите, что позволил себе столь дерзкие догадки, – он снова слегка поклонился. – Нелегко признаваться в этом, но я сам бы мечтал поскорее выбраться отсюда. У меня клаустрофобия. Мне очень тяжело.

Марианна лежала на диване и смотрела по сторонам. То, что она видела, совсем не было похоже на каморку с пятью углами. Здесь также не было окон, зато имелось две комнаты и отдельные туалет с ванной. Деревянная мебель была гармонично подобрана. Комнаты казались уютными и чистенькими. Мягкие диван и кресла обещали комфорт. В углу возвышался огромный холодильник.

– Что за странное место! Похоже на номер в отеле, только без окон. Разве может быть такое? – зевая, удивилась Марьяна.

От усталости она проваливалась в сон. Но тревога мешала

закрывать глаза.

– Значит, может, – ответил Хиро.

– Здесь есть телефон, телевизор, часы?

– Нет, хотя в обычном отеле должны быть, – почему-то не удивился вопросу Хиро.

– А что еще, кроме стен и мебели?

– Еда и Библия.

– Неужели нет даже нитки с иголкой? – Марианна свернулась на диване калачиком.

– Нет.

Марианна с усилием вздохнула, словно это был последний вздох, и тогда Хиро заметил, что под слоем пыли и паутины её опухшее лицо было зеленым, щеки – впалыми, а глаза – мутными.

– Тебе нехорошо, отдохни, я пойду ... похожу кругами по другой комнате, – сказал он.

Девушка молча согласилась, и долгое время пролежала без движения, крепко обхватив себя за талию обеими руками.

Сон не шел. Глаза снова стали влажными, и Марианна закрыла лицо руками, чтобы не разрыдаться.

Хиро заглянул в дверной проем. Заметив, что девушка не спит, он пробрался к холодильнику. Тот был набит разнообразной едой: как шоколадками, одеревеневшими от холода, так и коробками с лазаньей, которую негде было разогреть.

Мужчина разложил на столе маленькие соки и молочные

пакетики, открыл упаковки с нарезкой рыбы и сыра, достал йогурты и подсохшие от времени булочки.

– Какое все холодное, – Марьяна безучастно, посапывая забитым носом, принялась есть.

– Скоро эту дверь откроют, я обещаю, – молвил Хиро, хрустя чипсами с морской капустой.

Она посмотрела на его тонкие пальцы и слабые руки. Оценивающим взглядом обвела субтильную мальчишескую фигуру, потом откинулась на спинку дивана.

– Что за место такое, где двое незнакомых людей оказались запертыми в комнатах, соединенных потайным ходом через шкаф? – Марианна наложила побольше сыра на бутерброд. – Как представился похититель?

– Фанат? Он сказал, что его имя Кон Дорви. Он, вроде как, уже много лет следит за моей успешной карьерой, и будет счастлив сделать мне удивительный подарок.

– Первый раз слышу это имя. Значит, ты психиатр? Не думала, что у психиатров могут быть фанаты.

– Я работаю как психотерапевт. Да. Эпоха шоу-бизнеса добралась и до нас. Я написал семь книг по популярной психологии. Кстати, все они стали бестселлерами. Потом пару лет у меня была передача на телевидении...

– Неужели герои были настоящие? – перебила его девушка, снимая с ночной рубашки паутину.

– Поверь, да. Если помогать людям, то на самом деле.

– И ты сам, великий психиатр, страдаешь фобией замкну-

того пространства? – не поверила Марианна.

– Да, несколько месяцев я уже не практикую из-за этого. Только я психотерапевт. Вижу, ты не очень лестного мнения о моей профессии, даже рассмеялась.

Она помрачнела.

– Психотерапевт, который не может различить, что стоит за эмоцией, – закралась в ее голову мысль.

– Хочешь поговорить об этом? – отвлек ее Хиро.

– Нет, спасибо. Ты уже проверял, может, в комнатах спрятан люк, другой потайной ход?

– Нет. Мне кажется, это обычный номер в отеле.

– Только без окон, телефона, телевизора и часов, – хихикнула девушка.

Дневник (День первый)

Некоторое время назад

Итак, я пишу. Мне хочется открыть дневнику мысли, мечты, идеи, чувства, желания и поступки (нет, писать мне противопоказано, ибо я целых пять минут думала над второй фразой).

Так вот. Дневник, дневничок, dear diary. Так обычно пишут, когда хотят обратиться к дневнику, будто бы он живой и все выслушает, поймет и обязательно поможет. У многих сейчас есть дневники, и они записывают туда самое сокровенное. Те ещё фразы, прямо-таки Лев Толстой.

Снова пять минут думаю, что писать дальше. Нет, автор из меня будет никакой, просто никудышный. Одно хорошо, теперь институты этого профиля отклоняются.

Кошмар, мысли бегают в голове быстро, словно тараканы от человека с тапочком в руке, и я даже не успеваю их осознать. А тут ещё пиши... Как это физически возможно?

Надо писать, надо. Через «не могу».

Да, я слишком много учусь. Именно поэтому пишу. Пишу, чтобы занять время, чтобы не слушать и не видеть, чтобы отвлечься. Просто пишу.

Может быть, я лгу себе? Все-таки для того, чтобы начать писать, нужен весомый повод. Повод?

Что ж, он есть. Сегодня мне исполнилось семнадцать.

О ужас, я раскрыла тайну своего возраста! Что же теперь делать? Как жить? Это я шучу. Юмориста из меня, как видно, тоже не выйдет.

Пиши!

Тем не менее (пиши давай), пока я трезво соображаю (у меня впереди ещё целая ночь, чтобы перестать соображать таким образом), следует решить:

1. Как обращаться к дневнику.
2. Следует ли описывать свою внешность.
3. Что завтра надеть.

Пусть третий вопрос звучит глупо и совсем по-дурачки, начну именно с него. Что ж, десять минут раздумий, никуда не денешься. Наконец, извлекла из шкафа то самое платье. Но, вот надо же, с непонятным пятном! Еще раздумья. Безуспешные попытки найти ту красивую юбку, что еще ни разу не носила. Да где же она? Ох, гора вещей на полу возле шкафа... как всегда, все не то! Ладно, возьму, что сверху лежит.

Такое прекрасное настроение (тут я немного вру), что в голову табунами наведываются мысли о проведенном дне. Но все по порядку, мы еще не закончили с вопросами.

Раз у меня сегодня такое отличное расположение духа (вру), и пессимизм вместе с пофигизмом, к счастью, не тревожат, то приступаем к описанию внешности. Естественно

моей.

Я у зеркала. Я стою у зеркала и пишу. Выглядит героически. В зеркале: глаза карие, миленький нос картошкой, черные, с золотистым отливом (благо, для этой цели некий определенно замечательный человек изобрел оттеночные шампуни), волосы подстрижены коротко, но не слишком, есть челка.

Да, начали за здравие, закончили за упокой. Нет, некрасиво. Некрасиво я пишу. Но зато пишу.

Теперь после столь душещипательных строк (про упокой) переходим к вопросу последнему (в списке первому). А именно: как называть и обращаться к дневнику? На ты просто и типично, поэтому лучше придумать имя.

Матвей. Хорошее славянское имя. Говоришь Матвей, и воображается красивый высокий блондин с голубыми глазами. Что ж, Матвей, ведь ты бы рассердился, если бы я представляла тебя жирным маленьким старичком. Правда? Я тоже так думаю.

Итак, сегодня мой день варенья.

Видимо, следует описать этот день. Так обычно поступают, когда заводят дневник. Ладно, глубокий вдох, барабанная дробь, и – начали!

Началось все не ахти как. Просыпаюсь я, значит, в десять часов утра, прогуливаюсь по коридору в ночной рубашке и больших тапочках-игрушках (конечно, зря я про это написала, однако что написано пером, того, как известно, не выру-

бишь и топором), и меня заставляют открывать рыбные консервы с малоприятным именем Горбуша. После часа приведения себя в порядок началась усердная мойка полов, вытирание пыли и нарезание, крошение овощей, а также смазывание майонезом абсолютно всего. Наконец, накрывание на стол, после сего пришлось затратить еще два часа для повторного приведения себя в порядок. В три часа пришли гости.

Отдышалась, продолжаю заставлять себя писать.

Интересно, Матвей, как ты думаешь, сколько у меня было гостей? Наверное, твой скупой блондинистый мужской интеллект вообразил, что у меня была ультрамодная вечеринка с конкурсами и танцами до упада (в смысле, до падения люстры у соседей этажом ниже). Вот-вот.

(Что вот-вот?)

Нет, всё было просто и по-семейному. Мама, папа, я, бабушка, бабушка. Все прошло как обычно: салаты, соки, горячее, торт со взбитыми сливками.

И всё-таки мне кажется, Матвей, что сейчас ты ломаешь голову над вопросом: почему я, такая молодая и потрясающе красивая Марианна Птичкина, сидела добрых шесть часов в окружении уже давно знакомых людей, а не трясла тощими боками в ночном клубе? Так вот, не буду долго тебя мучить и потороплюсь ответить сама: мне хотелось почувствовать себя защищенной. Конечно, тебе, двухметровому и мускулистому, вряд ли когда-либо придется использовать та-

кой мудреный способ. Потому даже не надеюсь, что ты меня поймешь. Но в жестоком мире, хочется ощутить семейную заботу и тепло.

Пиши!

Так прошел у меня день.

На первый раз хватит.

Глава 3. Лабиринт

●

Из всех злых бед
Страшней всего лабиринт:
Там нет выхода.

– Хиро, проснись, – тормошила его Марианна.
Её разбудили странные звуки за стенами. Лязг железа.
Грохот падающей мебели.

– Проснись, что-то происходит. Комнату трясет, как ты умудряешься спать?!

Он нехотя открыл глаза, кинул на нее презрительный взгляд, закутался в одеяло и отвернулся:

– Обычное землетрясение.

Комната заходила ходуном, и Марианна упала на пол.

– Что надо делать при землетрясении?

– Ждать, пока закончится, – спокойно ответил он.

Комната резко дернулась вправо, и Хиро снесло с кровати. Последовал сильный бросок влево, и холодильник еле устоял. Дверцы шкафа отворились, вешалки попадали на пол.

– Стены сломаются, как карточный домик, и нас завалит, – обреченно сказала Марианна.

Хиро, шатаясь, поднялся и побрел к двери. Марианна поползла за ним. Пока мебель шумела и ходила ходуном, двое дергали за ручку и кричали, потом пытались выбить дверь. Ничего не получилось, уставшие, они опустились на пол, и тут комната перестала трястись.

– И это, по-твоему, обычное землетрясение? – прошептала Марианна, глядя на упавший шкаф.

– Когда ты добиралась сюда, не видела ещё потайные ходы?

– Нет, если влезть в эту дыру, то окажешься в комнате с пятью углами, уверяю.

Она встала и пошла к холодильнику, стала грызть замороженную шоколадку. Хиро поднялся, и свет погас.

– Электричество выключили, гады, – сказала Марьяна. – Теперь ещё и ничего не видно.

Хиро закричал. Его затрясло, он резко кинулся к двери и стал бить по ней кулаками, как ошалевший.

– Выпустите меня, выпустите! – орал он.

– Ты чего? – испугалась Марианна, спотыкаясь о выпавшие ящики, она на ощупь отыскала его холодное от ужаса тело. – Успокойся, здесь никого нет, нас не выпустят.

– Пустите меня, – продолжал кричать Хиро. – Я заплачу вам!

– Уймись, никто не слышит тебя, комната заперта, – сказала она и нажала на ручку.

Дверь скрипнула, поддалась и на всеобщее изумление от-

крылась.

Хиро вопя выскочил в коридор и убежал вперед. Марианна осторожно вышла за ним.

Яркий свет резал глаза. Длинный пустой коридор с множеством дверей пугал неестественностью. Будто его наспех строили вчера ночью. Ярко-белые свежевекрашенные глянцево-белые стены, новенькие коричневые двери, красный мягкий ковер на полу, по которому никто еще не ходил. Всё выглядело ненастоящим.

– На мой взгляд, это очень странный отель, – сказала Марианна, увидев приближающегося Хиро. – Точно домик для куклы.

– И все двери закрыты.

– Этого следовало ожидать.

Они вместе пошли вперед.

Коридор выглядел нескончаемым. Едва увидев лестницу, они сломя голову бросились вниз, но скоро ступеньки кончились, снова оставив их во власти пугающей вереницы дверей.

– Видно, мы проскочили выход, – бойко начал Хиро. – Надо выходить на каждом этаже и искать холл.

Они подчинились правилам лабиринта. Петляя по его закоулкам, они были рады каждому тупику в бесконечном отеле. Они искали внимания, но на них смотрели лишь стены и одноглазые двери.

– Я дальше не пойду, устала, – села на пол Марианна. –

Иди один, если найдешь выход – позови на помощь, пусть вытащат меня отсюда.

– Тогда ты будешь сидеть здесь одна до конца дней своих! – выпалил он. – Здесь нет номеров этажей, хотя их больше сотни, а номера дверей – некая бессмыслица, висят вразброс. Здесь снова нет ни одного окна. Нет ни души, нет даже туалета, здесь крытая могила для людей. А я, к несчастью, фобик, клаустрофоб, если точнее. Боюсь закрытого пространства. И сердце бьется так, что промежутков нет между ударами, один предсмертный стон. Я медленно схожу с ума.

– Это новый, ещё недостроенный отель, – громко ответила она стене.

– Что ж будем здесь сидеть, один я не пойду, вдруг это ты – причина колдовства, что держит нас, не давая даже надежды на спасенье. Сидеть здесь будем, а как почуем голод, жажду, еще сильнее к полу прирастем, чтобы скелеты наши с ним едины стали.

– Ты очень странно говоришь, когда волнуешься, – она смотрела на него снизу вверх.

– Да, – устыдившись, сел на пол Хиро.

– Предлагаю немножко отдохнуть, у меня болят ноги.

– Ладно.

Марианна тихо утирала слезы рукавом, Хиро ползал по полу, пытаясь увидеть, что скрывается за дверьми. Ничего не добившись, он сел напротив нее.

– Поговори со мной, так спокойнее, – произнес он.

Она взглянула, не зная, что ответить. Вдруг любое слово будет использовано против нее? Чем больше он знает, тем она становится уязвимей.

– Мне больше по душе молчанье.

– Почему?

– Не скажешь лишнего и не покажешься ни глупой, ни невеждой.

– Это не причина не говорить.

– Как стены – не причина их бояться.

– Хватит меня передразнивать, – Хиро громко вздохнул и лег на пол.

– Спать бы у реки

Среди пьянящих цветов

Дикой гвоздики, – спустя время проговорил он.

Марианна вздрогнула, словно испугавшись. Хиро заметил.

– Это хокку Басё, – сказал он. – Слышала о таком поэте?

– Кто-то открыл дверь снаружи, когда было землетрясение, – ответила девушка, проигнорировав вопрос.

– Возможно. Попробуем его найти?

Марианна встала и упрямо двинулась дальше по коридору. Хиро пошел вслед за ней.

Девушка умирала. Молодой человек ходил вокруг нее, возносил руки к закрытому высоким потолком небу, убеждал стены что-нибудь сделать, но всё было напрасно.

Девушка вроде бы умирала. Её тонкие, мертвенно-бледные губы сливались с белым, готовящимся к смерти лицом. Глаза были плотно закрыты. Черные с зеленым отливом, словно спинка жука, волосы рассыпались по не менее черному готическому пышному платью. Худенькая маленькая рука, вылезшая из огромного длинного рукава, была суха и бескровна.

Молодой человек с трудом держался. Он взывал к богам, к людям, бил кулаками по дверям и стенам, однако они были глухи и безучастны к его просьбам. Ни стены, ни двери не обращали на него внимания, на фоне лежащей на полу девушки он выглядел слишком банально. Кроссовки, джинсы, клетчатая рубашка, круглое, не лишённое привлекательности лицо, однако ни колец в виде черепов, ни кулончиков в форме летучих мышей, как у, кажется, умирающей девушки.

Внезапно раздался крик.

Марианна закричала: «Люди!» Она кинулась вприпрыжку по коридору, волоча за собой утомившегося японца.

– Что случилось? – громко сказала она, увидев на полу лежащую без дыхания девушку.

– Что вы здесь делаете? – с подозрением отнесся ко всему японец.

– Меня зовут Оливер, разве не видно, она умирает! Помо-

гите, надо срочно вынести её на свежий воздух! – воскликнул молодой человек, схватившись за мятую рубашку Хиро.

– Ты же врач, сделай что-нибудь, – подключилась Марианна.

Хиро опустился на колени и стал щупать хилую руку умирающей. Оливер с ужасом наблюдал за ним.

– Пульс очень слабый, – вынес вердикт психотерапевт. – Показывай, куда надо её нести.

Возникла неловкая пауза.

– Надо вынести её на улицу, – с расстановкой проговорил Оливер.

– Мы понимаем, – встряла Марианна. – Но где улица?

– За дверьми отеля, – медленно ответил Оливер, словно она не в своем уме.

– А где эти двери? – раздраженно спросил Хиро.

Снова неловкая пауза.

– Вы не помните двери, через которые сюда вошли? – нервно и наигранно засмеялся Оливер. – Неужели вы не помните?

– Мы не знаем, где выход, – отрезала Марианна.

– В том вся фигня, что мы – тоже, – пришла в себя и поднялась только что умирающая девушка. – Я – Грейс.

– Хиро, ты же сказал, что у нее плохой пульс, – отошла в сторону Марианна.

– Я умею замедлять свое сердце, – огрызнулась Грейс. – Раз и они без понятия, что за ерунда происходит, то пойдем

отсюда, Оливер, вдруг эти двое небезопасны, как ты говоришь. Тем более что моя версия провалилась.

– А что была за версия? – спросила Марианна.

– Грейс думала, что это новое реалити-шоу, и повсюду видят скрытые камеры, снимают наши страдания и передают в прайм-тайм.

– Я умираю уже около получаса, но никакого отзыва с их стороны, – Грейс указала тонким пальчиком на стену. – Или ведущие этого шоу – звери, или это не реалити-шоу.

– Думаю, мы в гостях у маньяка, – с напором сказал Оливер.

Марианна хотела выразить согласие с этой точкой зрения, но промолчала, потому что доверие к окружающим её людям таяло, а чувство страха и отчаяния, наоборот, росло.

– Это напоминает мне детективы Агаты Кристи, – продолжает Оливер. – Замкнутое пространство, тесный круг подозреваемых, и убийцей должен оказаться тот, у кого есть алиби.

– Но убийства не было! – возмущается Хиро. – Что за навязчивые идеи!

– Откуда ты так уверен, что его не было?

– Неужели кого-то убили? – ужасается Марианна.

– Нет, но Оливер уверен, что скоро мы начнем погибать один за другим, – с загадочным наслаждением говорит Грейс.

Хиро стоит с невозмутимым видом, Марианна едва уни-

мает дрожь в коленях.

– Это все глупые выдумки, – гневно рассуждает японец. – Вы двое просто не знаете, чем занять свое сознание, как структурировать время, чтобы жизнь не казалась невыносимой!

Раньше был хороший психиатр, а сейчас появляется плохой.

Марианна с трудом подавляет смешок.

Что за ерунду несет этот человек, знакомый ей несколько часов, за кого себя выдает, кто он на самом деле и можно ли доверять ему, когда он кажется странным и таким же ненастоящим, как и заперший её в ловушку отель.

– Где выход?! – вдруг орет она.

Все оборачиваются.

– Мы шли по лестнице вниз, выходили на каждом этаже и прочесывали его вдоль и поперек, – почесал затылок Оливер, – выхода нет.

– Мы были в самом низу, там тоже ничего, – ответил Хиро. – Надо подняться на самый верх, возможно, это подземный отель.

– Да, такая VIP-тюрьма для наркобаронов и фальшивомонетчиков, – с усмешкой добавила Грейс.

Они стали подниматься наверх, продолжая бродить по коридорам, и тут Хиро завизжал.

Глава 4. Двери

●

И лопнет мир твой,
Истины падут на дно -
Я виновата.

Он завизжал, потому что после утомившей глаза череды коричневых проемов увидел другие двери. Две большие шикарные двери. Нежно-розового цвета, сливающиеся со стеной, двери в рай. Дорогие, вкусно пахнущие деревом, волшебные двери. Необыкновенные, идеальные двери. Совершенно непостижимые двери в ад.

В культуре его страны не было принято так открыто выражать эмоции. Однако Хиро считал, что диплом психотерапевта дает разные поблажки, в том числе такие.

– Готов поспорить, что двери заперты, – с недоверием отозвался Оливер.

Марианна оттолкнула его, подошла вплотную к дверям. Пораженная их совершенством, она застыла на месте. Потом, словно пытаясь отогнать их гипнотическое воздействие, замахала руками, подалась вперед и отворила их.

Зал удивителен, роскошен. Странное сказочное сновидение. Бордовые стены в золотых прожилках, мягкие, как ве-

сенная трава, ковры в тон, шикарные столы и стулья из красного дерева. По углам стоят кудрявые древнегреческие боги. Тут Зевс из слоновой кости прячет в глазах меткие молнии. Там величественная Гера из ясного мрамора горделиво любуется своей красотой. Статуи утопают в зелени плюща, будто прячутся от человеческого внимания. Над головой сияет огнями потолок со звездным небом, но огни те ничто по сравнению с солнцем, золотой громадной люстрой. Неживая, она дарит комнате искусственный свет.

– Здесь еда, – раздался мертвый голос Грейс. – Посмотрите: картошка фри, пельмени, сосиски, роллы, какие-то невероятные салаты, а вон графины с водой, в таком роскошном отеле – и такой скудный шведский стол.

– Я бы побоялся есть это, пицца может быть отравлена, – сказал Оливер.

– Всё надеешься, что кого-нибудь убьют, – съязвил Хиро.

– Надеюсь, это буду я, – воскликнула, неестественно рассмеявшись, американка.

Марианна нюхала роллы, словно по запаху умела заключать, есть ли в них яд. Грейс изучала листики салата, Оливер – огромную люстру над головой. Он рассматривал её со странной упрямой въедливостью, словно это был не простой кусок металла, богато украшенный хрусталем, а настоящее божество комнаты.

– Еда полностью безопасна, – вынес вердикт Хиро. – Если нас хотели отравить, то сделали бы это раньше.

– Эта огромная люстра может упасть, – не слушая японца, говорил Оливер.

У Марианны от испуга изо рта выпал ролл. Грейс звонко рассмеялась.

Ослабленные, нервные, напряженные люди в закрытом плотными дверьми зале ели. Они ели подавленные, потому что боялись стен, великолепной люстры, идеальных статуй древнегреческих богов, следящих за каждым их движением.

Люди в комнате были ещё живы, но сами себе казались уже умершими, погребенными в отеле навечно, точно в склепе.

– Все-таки странно, что именно мы четверо собрались здесь, – начала Марьяна, кинув быстрый взгляд на закрытые двери.

– Да, – заговорил Оливер. – Я тоже все время думаю об этом. Даже пытался найти в жизни Грейс нечто похожее на свою судьбу, но никаких общих точек, ни одного схожего события. Возможно, наша связь где-то на более глубоком уровне. Например, наши отцы или деды причинили зло владельцу или архитектору этого отеля, и теперь тот мстит, собрав нас на последние дни.

– И все погибнут? – сверкая глазами, спросила Грейс, игриво попивая воду, словно она была дорогим вином.

– Мы только заперты здесь, – слабо запротестовал Хиро.

– Мы заперты? – встревожилась Марианна, и все посмотрели на сладко-розовые двери.

Они, правда, были заперты. Таковы были причуды замка. Если дверь захлопывалась, открыть её изнутри без помощи ключа было невозможно, тогда как снаружи – следовало просто нажать на ручку.

– Кто закрыл дверь? – с напором сказал Оливер, словно спрашивая, кто убийца.

– Хиро, – продолжил он, – кажется, ты один не расстроен нашим заключением.

– У него клаустрофобия, – вступилась Марианна, – он бы не стал закрывать.

– Возможно, клаустрофобия – выдуманная! – разжигала огонь Грейс. – Ведь мы ничего не знаем друг о друге. Вдруг Марианна, эта напуганная тихоня, сама – хитроумный маньяк!

Марианна покраснела, словно ее вычислили, и стала быстро дышать. Испугавшись, что ей не хватит воздуха, и она умрет прямо тут, посреди обильно накрытых столов и под всевидящей люстрой.

– Да вы и не пытаетесь узнать что-то друг о друге! – воскликнул Хиро.

Грейс фыркнула.

– Правильно, верно, презумпция невиновности и тому подобное, – поддержал идею Оливер.

– Я ... ничего не буду говорить вам, буду молчать, – бросилась в слезы Марьяна.

– Кто мог захлопнуть двери? Кому это было нужно? За-

чем? – ходил кругами немец, потирая виски. – Кто заходил последним? Если не ошибаюсь, как раз Марианна. Сначала вошел Хиро, потом я, затем Грейс и... или это ты, Грейс, была последней?

– Кто был последним, станет первым, – нехотя ответила она, грызя картошку фри.

– Что? – переспросил Оливер.

– Марианна заходила первой, вот что, – ответил Хиро.

– Не имеет значения, кто это был, – продолжил немец, перекрикивая всхлипы Марианны. – Она могла задержать-ся, пока все рассматривали зал. Ей ничего не стоило подой-ти к дверям и неслышно их захлопнуть. Посмотрите на нее, разве невиновный человек станет столь очевидно показывать свою слабость, слезы, обиду? Нет, только виновный испуга-ется, что его разоблачат, начнет нервничать и непременно выдаст себя реакцией на происходящее.

Марианна стихла и перестала тереть и без того красные глаза. Она испугалась не того, что её разоблачили, она испу-галась промелькнувшей мысли, что Оливер прав. От его слов Марианне казалось, что виновата она сама. Она захлопнула двери. Она нарочно подошла к ним, пока все были увлече-ны красотами залы, потянула ручки на себя и тихо заперла, чтобы никто не услышал. Настолько тихо, что не услышала даже сама. И зачем она отрицала это, зачем думала спорить и пытаться доказать свою невиновность.

– Какая разница, кто захлопнул, – прервал её мысли Хи-

ро. – Мы проверили все остальные двери в отеле. Они заперты. Мы обошли столько коридоров и не нашли выхода, а здесь, черт возьми, хотя бы накрыт стол. К тому же я уверен, что вчетвером мы сумеем, если понадобится, взломать дверь, если в том будет смысл.

– Плевать на двери, важен факт: среди нас предатель, – заключила Грейс.

Марианна, осознав свою ничтожность, посмотрела в её сторону.

– Проклятые стены! – нервно закричал японец. – Это я захлопнул двери! Чисто случайно! Я шел последним, залюбовался на люстру и не смог их удержать. Они покачнулись и быстро сомкнулись.

Грейс и Оливер переглянулись.

– Не специально! – почти закричал японец. – Я закрыл их, и это вовсе не значит, что я предатель. Или маньяк.

Оливер хотел возразить, но не успел.

– Этот день, если сейчас еще день, был очень трудным, – Хиро накручивал круги по залу. – Мы все устали. Нам нужно отдохнуть, привести в порядок мысли, расслабиться, вместо того, чтобы набрасываться друг на друга с обвинениями.

У Марианны от напряжения закружилась голова. Она зевнула. Может, и не день уже вовсе.

Так кто же закрыл двери? Она? И Хиро только выгораживает её? Или, правда, он сделал это сам? Если все-таки виновата она, то зачем ему тогда защищать девушку? Что он

задумал и что за выгода в этом?

Безмолвные стены, свидетели чужих судеб, завистливо взирали на происходящее. Они не могли кричать и не могли волноваться. Вот одна девушка в ночной рубашке, прислонившись к стенке, безучастно разглядывает розовые двери. Там двое мужчин шуршат по ящикам и полкам комодов. Тут другая девушка, наступая на подол черного тяжелого платья, сдвигает столы.

Вскоре пленники решили устроить ночлег. Придвинув столы к стенам, они побросали на пол скатерти и накрахмаленные мягкие салфетки, чтобы лечь. Ворочаясь, переваливаясь с бока на бок, они делали вид, что хотят поскорее уснуть.

– Марианна, – послышался голос Оливера, – прости меня за необоснованные подозрения, я иногда увлекаюсь домыслами...

Грейс цыкнула, чтобы мужчина говорил тише.

– Тому виной моя профессия. Я актер. Вот уже несколько лет снимаюсь в одном и том же сериале. Я играю полицейского, поэтому иногда на меня находят, что поделаешь!

Грейс кинула в Оливера салфеткой и хихикнула: «Хватит забалтывать жертву!».

– Бывает, что забываю, кто я на самом деле, – продолжил Оливер. – А сейчас происходит что-то странное... В кризисных ситуациях всегда теряешься. Я, на самом деле, не так ужасен, как ты, видимо, подумала, просто вдруг навали-

лось...

Марианна краем уха слышала чью-то исповедь, но её волновало другое.

Эти двери. Она смотрела на них, широко раскрыв глаза, но все равно была уверена, что видит другие двери. Видит кроваво-красные двери. Она точно знала и помнила их прежний цвет. Розовый. Светло-розовый. Теперь Марьяна, упрямо вонзив в них взгляд, заметила несомненную красноту, столь явную и откровенную, что не поверить было невозможно.

Она убеждала себя, что это из-за смены освещения. Лампочка светит хуже, выдохлась. Или все это из-за усталости самой Марианны. Но разве можно не заметить столь очевидную смену освещения и быть настолько уставшей, чтобы не различать цвета?

Марианна вертелась на полу. Она жмурилась и поворачивалась к дверям спиной, но те снова забирали ее внимание.

– Могут ли двери менять цвет? – подумала она.

Ведь хамелеоны могут.

Правда, хамелеоны – не совсем двери.

Глава 5. Ключ

Поговорим, как
Здесь живетса узникам?
Есть те, кто не врет?

Когда Марианна проснулась, остальные уже встали, подкрепились попахивающей едой и изучили каждый сантиметр запертого зала.

Они нашли телефон. Старый аппарат с увесистой трубкой. Оливер поднял её и говорил: «Почему, когда я звоню, то никогда не попадаю туда, куда хочу? По какому номеру нужно звонить, чтобы получить ответ на свой вопрос? Как выйти из лабиринта?». Ответа не последовало, но гудки были.

Они попытались дозвониться в какую-нибудь службу спасения, но тут Грейс обнаружила, что телефонный шнур обрзан. Начались новые обвинения и подозрения, пока расстроенный Оливер не выдвинул версию, что ошибся, и что гудки были только злой галлюцинацией. Это тут же все объяснило, хотя неизвестно, чем бы закончилась история, если бы Марианна не спала.

За время поисков они наткнулись на ещё одну дверь. Маленькую и узкую. Наверняка в какой-нибудь подвал. Тем не менее, новую, пусть снова запертую дверь.

Такую серую и невзрачную, что не сразу заметишь среди статуй и зелени плюща. Тем более если ты усталый, взвинченный и раздраженный на окружающих и самого себя.

Эту дверь непросто найти. Вероятно, её может отыскать только тот, кто о ней знает. Возможно, что такой человек был среди них, и не хотел бы узнать, что кто-то догадывается о его существовании.

Плюс ко всему они нашли некий ключ. Тот теперь хранился у Оливера, потому что именно он заметил его в скважине неприметной двери.

Но Марианна проснулась, и остальные прекратили поиски.

Она, зевая, сладко потянулась и уставилась на двери. Как обычно, нежно-розовые двери.

Она весело подмигнула им, те невидимо улыбнулись в ответ.

– Что ты такая веселая сегодня? – со злорадством спросила Грейс.

– На то есть весомые причины. Я жива. Я в роскошном отеле, и сейчас буду обедаться роллами.

– Роллы кончились, – сказал Оливер.

Марианна помрачнела, но тут же собралась и широко заулыбалась:

– Надеюсь, вы оставили мне хоть что-то?

– Еду надо экономить. Неизвестно, сколько мы здесь пробудем, – продолжил Оливер.

– Но есть запасной выход.

– Откуда ты знаешь о новой двери? – удивился Хиро, а Грейс бросила подозрительный взгляд.

– Я вижу её вот этими глазами, «откуда я знаю», – передразнила Марьяна. – Будто вы ее только заметили.

– Так и есть.

– Уверена, что эта дверь существовала, когда мы пришли. Существовала она и раньше, а то, что вы её не замечали, говорит только о вашем нежелании выбраться отсюда.

– Что она такое говорит, Хиро? – сказал Оливер.

– Шизофреничка, – буркнула в ответ Грейс.

– Я предлагаю нам откровенно поговорить, – сказал японец.

– Тогда ты первый, – предложил Оливер, занимая место за столом и давая понять, что готов слушать.

Марианна, дернув плечами, села рядом. Грейс, с усмешкой наблюдая за остальными, не спеша, подвинула к себе стул.

Они сидели прямо под люстрой – непризнанным божеством, сотворенным человеческими руками. Она надменно смотрела вниз.

– Так не может больше продолжаться, – говорил Хиро. – Мы сами терзаем себя, сами ухудшаем свое положение. Нельзя ссориться, нельзя бунтовать и искать промахи других! Нам нужно держаться вместе, а это тяжело, когда ничего не знаешь друг о друге и, возможно, боишься узнать.

Он выдержал паузу и продолжил:

– Я начну первым, – говорит Хиро. – Я врач-психотерапевт и давно практикую. Моя карьера на взлете.

Грейс шумно зевает.

– У меня клаустрофобия, – продолжает он, сверля ее взглядом. – Это, наверное, удивительно для вас, что врач, лечащий фобии, сам может ими страдать. Но врачи тоже люди. Как и все, немного нервно больны, увы. Все дело только в степени невроза.

– Ох, да! – Грейс вскидывает руки и начинает раскачиваться на стуле.

– Страх закрытых пространств – излечимая фобия. Ничего необычного, я почти с ней справился.

Марианна удивленно рассматривает Хиро.

– Началась она после землетрясения, когда выход из кабинета завалило. Мне пришлось пару дней просидеть взаперти, – продолжает он, не обращая внимания на ее косой взгляд. – Почему я здесь? Не понимаю. Думаю, это чья-то глупая шутка.

– Да, хороша шутка.

– Оливер, твой черед.

– Это похоже на общество анонимных алкоголиков. «Здравствуйте, меня зовут Оливер, и я – алкоголик».

– Грейс, ты будешь говорить следующей.

– Прямо горю от нетерпения!

– Это важно, Грейс, – мужчина откидывается на спинку

стула. – Меня и, правда, зовут Оливер, но я не алкоголик, я актер. Играю полицейского в ежедневном детективном сериале.

– Ну и компания! – Грейс в голос хохочет. – А Марианна у нас – кто? Охотница за вампирами?

– Играю быстро, порой неправдоподобно, – говорит Оливер, – но в целом, как надо, как того ждет зритель. Иногда работы так много, что я не успеваю выходить из образа в реальной жизни. Могу пойти одетый, как мой герой, в бар, похожий на бар в сериале и заказать то же пиво, что обычно просит он. И при этом говорить с той же интонацией, словно веду расследование.

Хиро внимательно слушает.

– Да, забавная история, как я здесь оказался, – Оливер хлопает рукой по столу, и Марианна вздрагивает. – Меня забыли в студии. Я так устал в конце дня, что уснул в кресле. Проснувшись, обнаружил, что все двери закрыты, и внутри никого нет. Плутал по чердакам, искал выход, и странным образом попал в этот отель. Разве отель может быть связан с киностудией?

– Тебя, как и меня, наверное, разыграли.

– Нет, это план, четко продуманный гениальным убийцей! Разве вы не смотрите современное кино? Все сходится! Несколько незнакомых друг с другом людей попадают в заброшенный отель. Вскоре они начинают погибать один за другим. Оливер, это же твоя версия, сотни раз показанная

по ТВ.

– Да, но мы живы, Грейс, и я не думаю, что кто-то из нас способен на убийство. Если только не хозяин отеля.

– Или молчунья Марианна.

– Я ...ничего такого не говорила...и я...

– Вот то-то и оно!

– Грейс, мы хотим послушать твой небольшой рассказ, – обрывает ее Хиро.

– О, я – заблудшая душа! – девушка смеется и укладывается подбородком на стол. – Совсем пропащая алкоголичка, кражи, наркотики, два года тюрьмы условно, несколько неудавшихся самоубийств...

– Перестань, мы говорим о серьезных вещах! Твоя небольшая исповедь всем будет полезна.

– Ну, ладно, «Я – психиатр, и у меня клаустрофобия», я – Грейс, и ношу очень красивое платье.

– Странное, пугающее платье...

– Вот и нет, невероятно красивое черное платье... И я хочу поговорить немного о нем. Ведь мне можно? – Грейс поднимает подбородок, хлопает глазами, надувает губки. – Можно увильнуть от темы? Тем более что вы не хотите заняться чем-то более интересным, чем разговоры.

Марианна стучит пальцами по столу.

– Итак, черный цвет, – Грейс расправляет плечи, – один из самых элегантных цветов. Он хорошо стройнит. И само платье весьма оригинально, не так ли. Какая мягкая ткань –

точно вторая кожа. Какие выверенные детали – все на своем месте. Дорогущий бренд, между прочим! Правда, мне не платят, чтобы его называть.

Оливер подавляет смешок.

– Что, по-вашему, это может значить? Я богата и дерзка, это так. Я эгоистична и никогда не слышала в жизни отказов – тоже похоже на правду. Я взбалмошна? Да не больше вашего! – Грейс встает и забирается на стул ногами.

Хиро ошарашенно наблюдает за ней.

– Но кое-что отличает это баснословно дорогое дизайнерское платье от ему подобных. Что это может быть? – Грейс вертится на стуле, показывая наряд с разных сторон. – Как вам кажется?

Зрители молчат.

– Смотрю, вы не мучаетесь догадками, – Грейс спускается и садится обратно. – Это черный цвет, поглощающий световые лучи. Цвет колдовства. Цвет зла. Цвет темноты. Какие у вас вытянутые лица! Да, я не совсем обычный человек. Я не психиатр, не актер и не маленькая молчунья. Я – Грейс, и я склонна любить тьму больше, чем свет.

– Секта сатанистов?

– Метлы и поклонение дьяволу? Забавно.

– Это снова ложь? Я не пойму...

– Нет, милая Марианна, я не шучу. И не лгу. Я – последователь новой религии, – Грейс произносит каждое слово медленно и с расстановкой.

– Да она просто нас запугивает! – поднимает голову Марианна. – Откуда нам знать, что это не выдумки? Пусть докажет!

– Тише, милая, никогда не знаешь, кто может тебя услышать, – широко улыбается Грейс.

– Пусть докажет что? – Оливер переглядывается с Хиро. – Как сказанное помогает понять, почему мы здесь?

– Теперь я хочу послушать Марианну, пришло ее время, – по-прежнему улыбается Грейс.

– Мне особо нечего рассказывать, – девушка смотрит на Оливера. – Я заканчиваю одиннадцатый класс, собираюсь поступать в институт, и... мы не узнали, как Грейс очутилась в отеле...

– Какая ты зануда! – Грейс закатывает глаза. – Я не помню деталей, как здесь очутилась. Я вообще не всегда помню, что со мной происходит. Ухожу в себя и забываюсь.

– Вот интересно! Она не помнит, как оказалась в отеле! – Марианна пристально смотрит то на Хиро, то на Оливера.

– И что с того? Ты сама – то как сюда забрела?

– Мне нечего скрывать. Я попала сюда из комнаты с пятью углами через тайный вход в шкаф.

– Ну да! – Грейс подпирает щеку рукой.

– Значит, ты лжешь нам, Марианна? – Оливер внимательно смотрит на девушку.

– Нет, нет. Почему здесь лгу именно я?

– А разве бывают комнаты с пятью углами и выходом че-

рез шкаф?

– Сейчас все могли соврать, и поэтому наши слова ничего не значат.

– И ты солгала нам?

– Нет, я думаю, что никто не застрахован ото лжи. То, что мы говорим сейчас, ничего не меняет. Один из нас вполне может быть убийцей и укокошить всех.

– Я же говорила, она – шизофреничка, – Грейс поворачивается к Хиро. – Только послушайте её: выход через шкаф и пятиугольная комната, плюс мания все время врать.

– Но я не вру. Хиро, скажи ей. Ты видел, как я вылезла из твоего шкафа.

– Видел, но не видел прохода, через который ты залезла. Я помню, как ты выходила через дверцы шкафа. И только. Я не видел ни тайного прохода в шкафу, не видел той странной комнаты и не уверен, что ты могла там находиться.

– Ты слишком ненаблюдателен для успешного психотерапевта!

– Если тебя поймали на лжи, это не очень-то приятно, Марианна, – слышен голос Оливера. – Всегда лучше признать свое поражение. Твое вранье очевидно. Не бывает таких комнат.

– Тогда почему бывают подобные отели?

– Потому что мы в этом отеле из-за тебя, и ты убьешь всех нас! – отчеканивает Грейс.

– Грейс, не надо, – говорит Оливер. – Ей и так плохо.

– Моя попытка сблизить нас друг с другом потерпела крах. Всем иногда тяжело говорить правду, – разводит руками Хиро.

– «Общество анонимных алкоголиков» не признаёт, что они алкоголики.

– Но я была в такой комнате, – Марианна смотрит полными слез глазами. – Почему можно поверить, что у психотерапевта есть клаустрофобия, а киностудия соединена с отелем, но нельзя представить комнату с пятью углами? Я не понимаю.

– Это заранее конченный разговор, – Хиро встает из-за стола. – Хорошо, давайте постановим такое правило: полное взаимное доверие. Мы уважаем и не подозреваем друг друга, а то выйдет, как в голливудских триллерах: пустой отель и кучка трупов.

Дневник (День второй)

Жуть!

Нет, «жуть» – это совсем не то слово, которым следовало бы сейчас описать мое состояние. Однако я против нецензурных выражений.

Сегодня просто ...(пи) какое ...(пи) и ...(пи), что даже ...(пи)...

Прочитала вчерашние записи, и теперь злюсь (хотя не только из-за записей).

Во-первых, если выпила немножечко вина на свой День рождения, то зачем брать в руки что-либо пишущее и корябать этим бумагу?! Зачем записывать чепуху, ни в коей мере не показывающую ход твоих мыслей?!

Во-вторых, почему, если считаешь себя честной и правдивой, надо так нагло врать, описывая внешность?! Глаза все не карие! Они какого-то размытого грязного цвета. Нос картошкой никак не способен быть миленьким... Хоть дыроколом проткни и сережек навесь, – спасет его только пластическая хирургия...

Золотистый отлив волос исчез после первого же мытья... Поэтому если человек, придумавший оттеночные шампуни, и был в какой-то мере замечательным, то плюс к этому плохо

образованным.

В-третьих, Матвей.

Что за глупое имя такое!!! Откуда оно в голове-то взялось? Из какого сериала?

Не угадать.

Необходимо собраться с силами и начать рассказывать про проведенный день. (Сил нет, и я не знаю, с чего начать). И все же...надо ...выдавить...из...себя...хоть пару слов.

Рассказывай. Пиши уже хоть что-нибудь.

5:57. Понедельник. Я, спящая Марьяна Птичкина, отправляюсь вдоль по коридору в поисках известного места, вследствие наличия у моего организма выделительной системы.

Вот завернула, не сразу поймешь, в чем вообще дело...

Так вот, только я устроилась поудобнее, как не пойми откуда раздаются дикие вопли неопределенного типа. От неожиданности я даже ударилась головой о дверь.

Угадай, Матвей, что случилось?

Давай-ка, кроме голубых глаз, еще математический склад ума тебе подарим. Но чтобы без занудства...

Это был гимн России. Кто же знал, что радио включено.

Как вообще люди пишут эти дневники? Что они тут пишут?

Я смотрю телевизор и ем. Ем, ем и ем, а по телевизору, то и дело рекламируют тренажеры, пояса и таблетки для поху-

дения, диетические продукты и полезное питание. Ешьте и худейте одновременно!

Впрочем, Матвей, вся шумиха по поводу похудения меня совершенно не волнует, потому что я и так слишком тощая. Одно время даже пыталась потолстеть и ела шоколадки, булочки и чипсы каждый день, в результате ничего, кроме прыщей, не добилась.

Тоска.

Ах, мой дорогой Матвейчик, так жаль тебя! Будто бы надо слушать тебе разговоры про прыщи, но я обещаю быть серьезнее. Надо, надо.

Что надо?

Скажи, Матвей, ты случайно не знаешь, кто придумал рекламу? Просто, сейчас жизненно необходимо вернуться в прошлое и пристрелить этого человека.

Смотреть стало абсолютно нечего, а если что интересное покажут, то непременно вместе с рекламой через каждые пять минут. Я переключаю на другие каналы, но какой смысл: везде реклама.

Некоторым людям писать противопоказано.

Ох, эта лень! Я лежу на диване и не могу встать. Просто не хочу двигаться. Хочется пить, но для этого необходимо подняться, поэтому лучше я умру от жажды. Лень последней стадии: я совсем ничего не делаю, только лежу.

Подскажи, как от нее избавиться.

Действуй!

Если подумать, то каковы мои жизненные цели? Не думаю, что они имеют что-то общее с жуткой ленью.

Ведь целью жизни не может быть лежанье на диване, не так ли? Тем не менее, я продолжаю лежать.

Как ты думаешь, Матвейчик, если бы я узнала, что через день умру, то продолжала бы лежать на диване?

Представляешь, Матвей, жизнь идет, проходит мимо, даже не притрагиваясь, а ты лежишь и ничего не можешь с собой поделать.

И тебя кормят с ложечки овсянкой.

Интересно, Матвей, тебе бы понравилась овсяная кашка?

Нет.

Конечно же, нет!

Ах, Матюня, (честно сказать, очень долго думала, чтобы изобрести новое прозвище) я понимаю, что нужно действовать, но никак не представляю, каким именно образом.

Я лучше буду спать и есть мороженное, чем начну думать, как действовать, а думать об этом следует. Обещаю быть серьезной.

Ну, скажи, куда пойти учиться. Помнится, есть специальные сайты со всеми вузами. Ты, наверное, думаешь, что стоит поискать там, и мои проблемы решатся.

Нет.

Я уже так делала.

Хорошо все-таки, что ты есть! Нет, правда. Ты лучше собаки.

Жаль, что моя жизнь не так интересна.

Во всем виновата лень!!!

Ну вот, от чего ушли, к тому и вернулись: обещала быть серьезной, а тут, как среднестатистический прыщавый подросток, ставлю три восклицательных знака в конце предложения. Прости.

Надо срочно придумать что-нибудь интересное. Например, такая игра.

Берешь толстую книгу, лучше словарь, и, закрыв глаза, открываешь на любой странице. Продолжая держать глаза закрытыми, тычешь пальцем в какое-нибудь слово, затем открываешь глаза и вникаешь в его значение. Предполагается, что сама судьба каким-то непонятным образом обязана заставить тебя, несмышленного маленького человека, открыть ту или иную страницу и попасть в то или иное слово.

Подожди.

Я хочу узнать, какую профессию выбрать.

Движение!

Я ткнула пальцем в слово «движение (movement, motion)», значит, нужно выбрать профессию, где бы не требовалось сидеть на одном месте. Но таких – целая куча!

Легче ничуть не стало.

Быть оштрафованным за нарушение правил уличного движения (значит, водитель или ГАИ?);

Возвратно-поступательное движение (смутно похоже на физику);

График движения поездов (не пойду я на поезде работать: укачивает);

Движение Сопротивления (неужели, это означает, что следует выйти на улицу с оружием в руках и, непристойно ругаясь, отстаивать справедливость?);

Движение в ногу (в армию я все равно решительно не пойду);

Движение капитала (mmm, бизнес);

Непроизвольное движение (пахнет медициной, следовательно, и кровью (а-а-а!));

Сила движения – *impetus*.

Ну что, Матвей, что будем делать?

Писать!

Я ничего не могу решить, даже профессию выбрать не способна.

Глава 6. Кухня

Отыскав правду,
Знай, что моей вины нет.
Я лишь писатель.

Недавно найденную дверь сложно было выломать?
Всего лишь старую, трухлявую дверь разве тяжело выломать вчетвером?

Правда?!

Дверь людям не поддавалась. Они ослабли без воды и нормальной пищи.

Люди верили, что за той дверью спрятано их спасение, маленький шанс на новую жизнь.

Однако, за ней, вероятно, скрывался обычный склад, где хранились съестные запасы. Их хватило бы на небольшое время, чтобы люди окрепли и снова могли мыслить здраво.

Дверь не поддавалась, хотя в ход шли крепкие выражения и не такие крепкие стулья.

Одним словом, это была странная дверь. Но что можно понимать под словом «странный»? Неестественный? непохожий на других? И кому позволено определять эту непохожесть и находить границы неестественности?

Могу ли я говорить о той или иной «странности», когда

сама не являюсь эталоном правильности и не способна отыскать такой эталон в окружающем меня мире? Тогда кто может говорить о «странности»? Тот, кто её лишен? И не является ли отсутствие «странности» синонимом того, что человек на самом деле сам неправилен и лжив? Кто постановил, что «странный» – это отрицательный? Не тот ли, кто настолько сер и неинтересен, что всякое проявление индивидуальности спешит клеймить и загонять в угол?

– Грейс! – раздался крик, но было слишком поздно.

Они только прорвались внутрь, как дверь с шумом хлопнулась. Второй раз люди наступили на те же грабли. Зашли в комнату и не придержали дверь. Второй раз остались наглухо запертыми в четырех стенах. В маленькой комнатке без еды и пищи. Второй раз люди обещали не ссориться и верить друг другу.

Комната на самом деле не была складом для продуктов, она служила кухней, где стояло техническое оборудование. Плиты, мойки, пустые холодильники и шкафы с фарфоровой посудой. Ни окон, чтобы не разносились ароматные запахи. Ни дверей, чтобы посторонние не мешались под ногами.

Всё хорошо, только вот девушка в ночной рубашке почувствовала себя странно. И дело вовсе не в том, что она была странно одета. Ей показалось, что она уже находилась в этой кухне. Только это была не кухня, а та самая комната с пятью углами.

Здесь стояла кровать, слева был холодильник, а теперь она видит гигантскую печь. Потом был шкаф, а сейчас огромная холодильная камера, затем выемка, теперь занятая мойкой. Линолеум наспех был уложен плиткой, обои замазали краской. Потолок побелить не успели: он был желтым, с большим пятном пригари посередине, где, как и прежде, висела хилая лампа.

Это была определенно та же комната. Только наспех модифицированная.

Девушка в ночной рубашке поняла это, прикусила губу и посмотрела на то место, где раньше стоял шкаф с проходом внутри. В этот момент она осознала определенную странность своего положения, странность этой комнаты и отеля, странность своего наряда, поведения и понимания мира. Эта странность бросалась в глаза и шокировала. Она была всеобъемлющей и выпирала наружу. Странность стала нормой, но нормой странной и непонятной.

Мужчина с раскосыми глазами тоже посмотрел в сторону холодильной камеры, но быстро отвернулся.

– Без паники, надо сосредоточиться на хорошем, – сказал он.

– Что может быть хорошего? – съехидничал Оливер.

– Давайте снова поговорим, – продолжил Хиро.

– Отчаянный ты человек, как катастрофа – так сразу «давайте поговорим», – бросила Марианна, рассматривая запертую дверь.

– Маленький сеанс психотерапии, чтобы никто не начал истерить, – Хиро повернул девушку лицом ко всем. – Это, наверное, звучит глупо, но я предлагаю каждому из нас рассказать о своей мечте, и не просто на словах, а представить, будто мечта сбылась. Затем описать чувства, которые вы испытали бы. Возможно, вначале такая исповедь покажется смешной, но сейчас она будет весьма полезна для истощенной нервной системы. Какие-то возражения?

– «Общество анонимных алкоголиков» снова в деле, – усмехнулась Грейс. – Ладно, и надеюсь, будет повеселее первого сеанса.

– Я покажу, что имею в виду.

Оливер скрестил руки на груди.

– Важный момент: старайтесь начинать каждую фразу со слова «я», – закончил японец.

– «Я» – мое самое любимое слово, – хихикнула Грейс.

– У меня вырастут крылья, я смогу летать, – сделал паузу Хиро. – Вряд ли они сумеют вырасти прямо из скелета. Скорее будет создано нечто, что заменит их. Один умный и изобретательный человек по-иному взглянет на эволюцию и предназначение человека. Он выдумает то, что позволит каждому летать. Быть может, тем человеком буду я сам. Я создам аппарат для полетов, умелый и совершенный, как крылья птиц, аппарат, ничем не похожий на груды металла, что ежедневно с трудом набирают высоту и, как камни, падают на землю.

Я буду летать.

Я брошусь прямо в небо и никогда больше не узнаю неволи. Я буду ничем не обременен, ничем не стесняем и не задержан. Я буду свободен.

Я буду летать, как ветер, свища и проносясь около неподвижных зданий. Я буду летать, как облака, медленно и неуверенно, будто опасаясь быть замеченным. Я буду летать, как звезды, твердо и ярко, обжигая ночь сиянием и давая людям надежду на исполнение желания.

Пусть у меня не будет ни власти солнца, ни томного очарования луны, ни бессмертия моря. Я и не был рожден для этого. Я был рожден для полета и свободы, и потому я буду летать.

Хиро остановился и взглянул на Оливера.

– Я больше не играю полицейского, – пробормотал тот, глядя на пол.

Грейс пыталась подбодрить его широкой улыбкой.

– Я настоящий актер, – поднял глаза Оливер. – Я могу сыграть Гамлета, Дон Кихота, Фауста и Раскольникова. Я играю, наслаждаясь мастерством перевоплощения в других людей. У всех – одна жизнь, а у меня – сколько угодно! Я отлично маскируюсь среди остальных. У меня никто не просит автографа, не тычут пальцем, не перешептываются за спиной и не пытаются тайком щелкнуть мобильным телефоном.

Я просто актер. Иногда у меня несколько ролей сразу, и я теряюсь и путаюсь в них. Иногда, наоборот, я совсем без ра-

боты. Тогда я читаю классику, запивая её хорошим красным вином, вырученным на деньги, заработанные в хорошие дни.

Я безликий и многоликий актер. Никто не вешает на меня ярлыки «злодея», «пай-мальчика» или «героя-любовника», потому что я храню в себе все эти лица, не теряя собственного.

Потому я счастлив. Иногда я ужасно доволен своей работой, а иногда зол и рассержен ролью, что мне предложили. Но я выбираю сценарии и могу отдать предпочтение тому или иному сюжету.

Я настоящий актер, и я счастлив.

Оливер закончил и взглянул на Марианну. Она едва уловимо вздрогнула и пробормотала:

– А я хотела бы оказаться дома. Вернуться к себе домой...

Она замолчала, дернулась и быстро перевела взгляд на холодильник.

– И что бы ты почувствовала при этом? – спросил Хиро.

– Я была бы очень рада. Это, наверное, глупо сейчас прозвучало. Но я, правда, была бы счастлива снова оказаться в своей не той ... то есть родной квартире среди знакомых людей, в знакомой обстановке. Это ведь нормальная мечта. У меня всегда было туго с мечтами. Я хочу сказать, я была бы счастлива возвратиться домой.

– А что, другой мечты у тебя нет? – с усмешкой спросила Грейс. – Ни мира во всем мире, ни счастья всем людям? О чем ты мечтала раньше?

Марианна молчала. Она испугалась, что откровенность сделает ее слабой. Пусть лучше ничего не знают о ней. Пусть лучше опасаются и держатся подальше, чем выяснят, что она – слабое звено.

И как ее угораздило попасть в эту компанию! Сразу трое странных персонажей, только она ничем не выделяется. Так ведь не бывает!

– Сколько углов в этой комнате? – Марианна резко меняет тему разговора.

– Раз, два, три, четыре...

– И там еще, где мойка, – добавляет она.

– На что ты намекаешь? – Оливеру становится весело. – Отсюда можно вылезти нестандартным способом?

Он медленно осматривает все пять углов комнаты, двигается с места и подходит к печи. Смотрит внутрь. Тяжело вздыхает, задирает коленки вверх и пытается залезть в печь. Пыхтит, складывается вчетверо и с трудом туда проникает. Слышится шум. Оливер громко хохочет, и с грохотом, грязный, вываливается обратно.

Марианна с удовольствием смеется ему в ответ. Она идет к холодильнику, открывает дверь, по пояс забирается внутрь, щелкает полками. Они шумно падают на пол. Девушка забирается в холодильник все глубже, её ноги уже болтаются в воздухе. Она злится, и в этот момент слышится сильный скрип. Ноги Марианны начинают подниматься все выше и выше, а потом исчезают. Дверь холодильника тихонько хло-

пает и закрывается.

Хиро отрешенно смотрит в пол.

Глава 7. Проход

●
Всё здесь странное:
Мертвые косо смотрят.
Я среди него.

Марианна ползла по узкому бетонному проходу. Вдруг она остановилась.

Ни одного постороннего звука. Только глухой стук ее сердца.

Марианна поняла, что за ней никто не последовал. Не страшно. Она сама сумеет отсюда выбраться. Тем более что уже проделывала это.

Все те люди – слишком странные. Не знаешь, что от них ожидать. Одной выбраться будет надежнее.

Внезапно ей показалось, что сейчас она снова попадет в шкаф из номера Хиро. Девушка откроет изнутри дверцы и останется наедине с непроглядной темнотой и разбросанными после землетрясения вещами.

Задумавшись, Марианна поползла дальше.

Так, наверное, пахнут мертвые. Гнилью и сыростью. Холодом и одиночеством.

Марианна глубоко вздохнула, подавилась запахом, закаш-

лялась и снова остановилась. Она вспомнила тех людей, что остались в будто бы другом мире, в несуществующей комнате с пятью углами.

Разве существуют такие люди? Успешный психотерапевт несет банальные вещи, актер смущается перед тем, как начать выступать, а сектантка постоянно хохочет?

Марианна решила ползти дальше, но её рука вдруг завязла в чем-то липком. Она поскользнулась и растянулась по всей ширине прохода.

А что, если этих людей и вовсе нет? Что, если она все ещё в том самом проходе, в который попала в первый раз из комнаты с пятью углами? Той комнаты, что без дверей и окон? Где у входа её поджидают не люди, а мертвые стены с почти пустым холодильником и огромным шкафом?

Что, если она так и не вышла из этого мрачного тоннеля? Что, если она так и идет по нему, теряя сознание от мертвого воздуха и приходя в себя, благодаря желанию жить?

Что, если все произошедшее с ней – только плод болезненного, нервного разума, оголодавшего организма и потерянной воли?

Она в ужасе стала царапать ногтями по бетону, пока боль не заставила ее остановиться.

Что, если тех людей и вовсе нет?! И она выдумала их, чтобы придать хоть какой-то смысл своей заканчивающейся жизни? Смысл быть вместе с кем-то? Смысл выбраться из ловушки?

Что, если смысла, на самом деле, нет?! И она выдумала все эти приключения только для того, чтобы хоть немного раскрасить оставшиеся дни? Хоть как-то занять время?

Что, если выхода не существует, и сейчас она наткнется на очередную стену? И тогда, расплакавшись, снова несколько раз потерявши чувства, поползет обратно и вернется в ту самую, сводящую с ума комнату без дверей и окон?

Марианна задышала очень быстро. Ей захотелось крикнуть, но она подавила свое желание и изо всех сил поспешила вперед, быстро перебирая руками по холодным стенкам, покрытым паутиной.

Что, если смысла нет?!

«У меня прекрасный дом, семья, работа. И все это благодаря обычной шизофрении», – вспомнился ей анекдот.

Марьяна в голос расхохоталась. И поползла дальше.

Она шустро передвигала руками, громко вздыхала, чтобы не оставаться наедине с пугающей тишиной. Только бы не останавливаться, лишь бы не задумываться.

И вот он – тупик!

Перед ней – стена. Стена, означавшая конец.

Раздался предсмертный стон. Мир сузился до размеров очень узкого тоннеля. Мир рухнул и разбился на мелкие осколки, такие, что невозможно правильно собрать воедино.

Я одна. И скорее всего я несколько больна. Меня лишает реальности этот опасный затхлый воздух, эти клейкие всеобъемлющие стены и мой рассудок, отказывающийся при-

нять их действительность и угрозу сознанию. У меня провалы в памяти. Я не осознаю, где именно сейчас нахожусь и сколько времени прошло с того момента, когда понимала, где нахожусь.

Я чувствую себя очень странно. Кажется, что со мной что-то произошло, но я теряюсь, путаюсь в событиях и начинаю понимать, что на самом деле ничего не было, а виной всему только болезненность моего мировосприятия.

Похоже, что я немного больна... После нелюдимых стен и умершего воздуха... Я больна, и потому не могу определить, где и сколько времени пребываю здесь, одна ли я или со мной был ещё кто-то, или этот кто-то был тоже мною, был выдуманным и ненастоящим, словно галлюцинация или мираж.

Быть может, это очень большая галлюцинация, и я по-прежнему лежу на кровати в комнате с пятью углами. Еда была с наркотиком, и потому мне привиделся ход в шкафу и словно я пошла по нему.

Сейчас я трогаю эту стену, чувствую её холод, но на самом деле её нет, моя рука спокойно лежит на кровати, и пальцы ощущают только шероховатость и тепло одеяла. Мой мозг сломлен и потому не способен отличить реальность от воображения.

Сейчас я упрусь руками в тупик, сильно надавлю на него, и стенка рухнет или, напротив, так и останется на том же месте, но это тоже будет только галлюцинацией, и я, как и прежде, буду лежать без сознания на кровати, ожидая, когда

пройдет действие наркотика.

Девушка подползла к стенке поближе и обеими руками толкнула её. Стенка закрипела и нехотя подвинулась. Марианна сделала ещё одно усилие. Она давила на стенку, и та медленно поворачивалась на месте.

В конце концов, девушка распознала в темноте хорошую щель. За щелью сияла та же темнота, но Марианна решилась, подалась вперед и вскоре поняла, что куда-то вылезла: её руки смогли опуститься вниз. Ещё один толчок ногами, и она вылетела из прохода.

Марианна неуверенно пошла по темноте вперед, но наткнулась на острый угол. Тогда она свернула налево и уперлась в стену. Девушка стала шарить по ней рукой, и на нее посыпались круглые шары. Запахло яблоками. Девушка жадно проглотила сладковатый знакомый аромат и осторожно продолжила изучение окружающей обстановки. Она захотела пойти вправо, но сделала это слишком нетвердо, упала и что-то разбила. В нос ударил запах алкоголя.

В этот момент комната озарилась слабым светом. Марианна, испугавшись, отвернулась и стала вглядываться в темноту, словно та могла дать надежду на спасение.

Послышался шум, и свет стал ярче. Девушка резко развернулась и инстинктивно закричала, потому что перед ней неизвестно откуда возник человек, белый, словно призрак, пропахший сыростью и холодной темнотой, с горящим огнем в руках, показавшимся ей адским пламенем.

Хиро понял, что Марианна разбила вино. Он встряхнул волосами, и пыль полетела вниз. Потом он зажег зажигалкой стоящую на комодe толстую свечу и стал тереть рукавом лицо. Паутина потихоньку сходила.

Дневник (День третий)

Раз обещала, значит надо делать. Надо определяться.

Держу в руках пособие «Какую профессию выбрать?».

Пришла моя смерть.

Держись, Матвей, скоро узнаем, кем я стану.

Через час.

Ну, моя радость, мой дорогой Матюша, спешу тебя порадовать: видимо, существуют такие исторические личности, для которых не существует правил, как таковых, для них нет определенных критериев. Они противоестественные.

Так вот, я одна из них. Если бы ты прочел список профессий, предложенных тестом, то умер бы от смеха.

Начиналось все хорошо: было написано, что я спокойный и независимый человек, способный самостоятельно трудиться, что я отличаюсь умом и вдумчивостью, а также невозмутимостью.

А дальше следовало: пастух, лесовод, гончар и далее в том же духе.

Ну, как тебе это? Не правда ли, весело!

И правда – забавно.

Вот-вот. У меня истерика была около получаса. Ух, как я

смеялась...

Ну, что ты теперь думаешь? Да, решили проблему.

Не обращай внимания, я злюсь. Ты бы разве не злился, когда купил книгу за триста пятьдесят рублей, а она выдает такие ответы?

Конечно, разозлился. Был бы в ярости.

Ну, что я отвечу маме? Представляю, это будет примерно так: «Мама, я всё тщательно взвесила и решила, что пойду работать пастухом. Ты случайно не знаешь, где сейчас можно приобрести два десятка прелестных овец!».

А впрочем, ну пастух... нормальная профессия. Овцы, наверное, милые животные. Наверное, они добрые, умные и верные.

Тогда можно даже не учиться больше в школе...

Действительно, зачем эти пятерки? Зачем я столько мучилась и училась? Чтобы вырасти и стать пастухом или хранителем музея? Зачем я делала рефераты о буддизме и учила английские пословицы и анекдоты? Чтобы стать лесоводом?

Ответь, Матвей, зачем все усилия, если я сама не могу ничего решить? Не могу подумать и решить.

Не знаю.

С утра было отличное настроение, я знала, что сегодня решится моя судьба. Ну, чем не профессия – гончар? Интересно, чем он занимается? Делает кувшины из глины? Или же нет?

Все же надо выбрать. Я же должна сдержать слово.

Хорошо, пусть это будет пастух или лесовод. Лучше пастух. В лесу комары и всякие другие существа летают.

Так что, пастух. Буду пастухом.

Всё. Я пошла запивать горе колой и зажевывать чипсами.

Глава 8. Дом

●
Вот дверь открыта,
Но не думай, что это явь.
Это лишь фокус.

Итак, я, видимо, должна познакомить тебя с этим странным местом, что у англичан называлось бы загородным домом, а в детективах звалось местом преступления. Так или иначе, должна сказать, этот маленький особняк вряд ли похож на обычные дома подобного рода. Архитектор, создавший его, явно был неуверен в том, что именно хочет построить. Скорее всего, это был человек весьма разносторонних взглядов и вкусов. Или же он был лишен их вовсе, и, не имея в голове никаких собственных задумок, целиком и полностью отдался желаниям и причудливым взглядам заказчика. Также возможно, что каждую из комнат создавали разные архитекторы или, не знаю, что ты об этом думаешь, заказчик пользовался услугами нескольких недоучившихся дизайнеров, не пожелавших создать единый образ дома, а, напротив, расчленив его на несколько несвязанных друг с другом кусков.

В любом случае, не думаю, что ты захотел бы жить в та-

ком доме. Он лишен того уюта, какого мы ожидаем от места, где мечтали бы провести жизнь и тихо скончаться. Да, мне кажется, что ты скоро бы возненавидел этот дом. Он начал бы казаться ненастоящим, как искусственные цветы мертвы по сравнению с живыми цветами.

Ты возненавидишь этот дом, потому что почувствуешь себя в нем таким же неестественным, как и он. Этот дом будет злить и сводить с ума, ведь никто, и ты в том числе, не захочет каждый день чувствовать себя умершим, будто живущим по ту сторону реальности.

Не понимаю. Хотя, возможно, я просто не вижу смысла, зачем нужно строить такой дом. Гораздо полезнее было бы соорудить для детей школу или новый отель, где туристы могли бы отдохнуть после длинных экскурсий. Лично я, например, не знаю людей, которым не нравятся отели: там всегда кормят завтраком, а в шкафчиках обычно лежит бесплатный моток ниток и иголка.

И потому я не могу никак понять, почему ты все-таки живешь в таком доме, почему тебе в определенной мере нравится это и почему ты так горд тем фактом, что этот дом фантастичен, пусть немного безжизнен и нереален. Все же я не могу уяснить, почему этот дом так влечет тебя, почему он стал частью твоей судьбы, почему ты не можешь вырваться из его оков и бесчувственных стен. Почему просто не возьмешь и не выйдешь оттуда в конце концов!

Я, видимо, мало понимаю людей и саму жизнь, и потому

мне тяжело разобраться, кто ты на самом деле, кто для тебя я и откуда я точно знаю, что ты доподлинно существуешь.

Ладно.

Значит так, представь, как ты заходишь в такой дом. Я почему-то уверена, что после всего вышесказанного, ты с опаской будешь туда входить. Ты будешь двигаться медленно и осторожно, надеясь успеть убежать в последний момент. Так, скорее всего, заходила бы туда я после таких пугающих сведений. Хотя я проникла в этот дом не через дверь.

Ну, ладно. Итак, представь, что ты вошел, и дверь со щелчком захлопнулась. Перед собой ты увидишь лестницу. Не простую лестницу, а кривую, извивающуюся, живую лестницу, настоящий фундамент этого дома, растущего не как обычные дома из уложенных в определенном порядке кирпичей, а прямо из этой витиеватой лестницы, словно неприхотливое растение.

Лестница делила дом на три этажа. Первый был с плотно замкнутыми дверями, темным подвалом и старой, сделанной в духе средневековья кухней. Второй и третий оказался с множеством удивительно непохожих друг на друга, разноликих комнат.

На каждый этаж лестница направляла особенно: то любовно подчеркивая дорогими, искусно расписанными вазами, то агрессивно выделяя забавными футуристическими фигурами, вызывающими нелепые ассоциации.

Комнаты, расположенные на втором и третьем этажах раз-

нились по размерам, высоте потолков, по кривизне линий и углов. Они отличались друг от друга настолько, что поначалу трудно было понять, комната это или набор мебели в мебельном магазине. Одни из комнат были настолько кривы и косы, что шкафы в них казались падающими. Другие, наоборот, изысканно стремились ввысь, стараясь достать потолком до неба. В третьих линии были такими мягкими и плавными, что создавалось ощущение неземного, сказочного мира.

Мебель была подобрана так, что каждая комната казалась новой, ещё неизведанной вселенной. Настолько непонятной и неприемлемой в повседневной жизни, что требовала немедленного избавления от любых предрассудков, связанных с движением и статикой, прямизной и искривленностью, пустотой и наполненностью. Порой требовалось забыть о непересекаемости параллельных линий и вспомнить о квадратуре круга.

В одних комнатах царил жесткий минимализм, в иных распутствовало роскошество, граничащее с вычурностью и безвкусицей. Некоторые комнаты были кричаще яркие и беззаботны, другие, полные тоски и уныния, были серыми и посредственными.

Дом сочетал несочетаемое, пугал, но в то же время очаровывал удивительной непохожестью на другие дома. Его трудно было бы с чем-то сравнить, он жил по своим внутренним, неподдающимся логическому осмыслению законам. Словно живой организм, он органично развивался из прочного дере-

ва лестницы. Он разрастался вширь, соединяя узкими проходами несовместимые по духу комнаты и образовывая потайные каморки, малозаметные для рассеянного обитателя, но несомненно открытые для внимательного и чуткого ко всему новому жильца.

Одно только тяготило особенно – в доме не было ни одного окна.

– Ты любишь готовить? – спрашивала Марианна, наблюдая за Оливером, возящимся с немывыми овощами.

Он с насмешливым видом обернулся и снова принялся за дело:

– Я понял, что один тут способен на это.

– Ну, я бы помогла тебе, если бы это была обычная яичница или омлет с какими-нибудь добавками. Но раз это такое значительное блюдо как «Осеннее изобилие», то боюсь что-нибудь испортить.

Он засмеялся, вытер руки, достал из ящика чистый нож и протянул его девушке:

– Ты вполне можешь помочь, если хочешь: порежь то, что я уже помыл, и положи вон в ту миску. «Осеннее изобилие» – только громкое название, на самом деле, это простой салат из овощей.

Марианна подошла к Оливеру и протянула руку, чтобы

взять нож. Нож был предназначен для резки мяса, с толстым острым лезвием и удобной ручкой. Девушка замялась и легонько отдернула руку, словно испугалась или не хотела до него дотрагиваться. Оливер не понял её заминки и тоже посмотрел на нож. Нож, не похожий на кухонный.

– У тебя рукав измазан чем-то красным, – отрешенно проговорила Марианна. – Точно кровь.

Оливер дернулся, и нож звонко ударился лезвием о пол.

– Это я свеклой запачкался, – ответил он, следя, как девушка поднимает нож. Она вымыла его и принялась резать овощи.

– Почему ты здесь? – спросил Оливер, косясь на её работу.

– В каком смысле?

– Этот странный дом, кажется, питается человеческими душами: отыскав открытую дверь, ты можешь пройти через несколько комнат подряд и оказаться в тупике. Грейс пропала в лабиринте сразу, теперь и Хиро куда-то ушел, а найти их, думаю, будет нелегко.

– Я тебе мешаю?

– Нет, я не это имел в виду. Просто все разбрелись по таинственным комнатам, и только мы по-прежнему сидим на кухне, где пахнет сгнившими овощами.

– У меня еще будет время побродить здесь, к тому же сейчас я очень хочу попробовать «Осеннее изобилие», – попыталась изобразить улыбку Марианна.

– Грейс, наверное, никак не может подобрать комнату,

наиболее соответствующую её вкусу.

– Скорее всего! В любом случае этот дом не бесконечен, и все мы когда-нибудь столкнемся.

– Очень странный отель, к тому же соединенный с не менее странным домом, тебе не кажется? Может быть, он построен специально для очень богатых и привередливых постояльцев.

– Возможно, таких, как Грейс, – согласилась Марианна. – Если подумать, то вход в дом не может быть через холодильник, как и не может быть построена комната без окон. А что, если всего этого нет?

– В смысле? – Оливер замер и уставился на нож в руках Марианны.

– Это мой сон. Или твой, например. А вдруг?

– В современном мире, милая Марианна, за большие деньги могут построить все, что угодно. И по правде сказать, мне до сих пор кажется, что мы в киностудии. Сама подумай: это могут быть несколько павильонов, скрепленных друг с другом.

– И все-таки вход через холодильник, темные сырые переходы... Какая киностудия так спланирует предоставленную площадь? Тебе не кажется, что...

– Что?

– Слышишь, по крыше стучат, словно дождь идет.

– Нет, не слышу. Так что ты хотела сказать?

Она запнулась и серьезно посмотрела на него:

– Ты ведь не думаешь, что я могу быть убийцей?

– Нет, – быстро ответил он и вдруг расхохотался, – ты школьница-тихоня!

– А если я не школьница-тихоня?

– Тогда кто? – он за пару секунд оказался рядом с девушкой и схватил её за запястье той руки, что держала нож.

Марианна от неожиданности выронила инструмент.

– Девушка, которая видит сон, – промямлила она, глядя мужчине в глаза.

– Я вспомнил, что ты сказала после наших коротеньких рассказов о себе.

– Что я такое говорила?

– Что наши слова ничего не значат, и все могли соврать. И ты была права. Очень тяжело отличить ложь от правды. А я-то вообще привык постоянно врать из-за профессии.

– Да нет, наверное, – протянула она и потрясла запястьем, чтобы высвободить руку, словно ничего не произошло. – Мне кажется, что теперь, после всех общих приключений, мы должны доверять друг другу. Хотя бы немного, иначе все может плохо кончиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы все напряжены и прячем это напряжение за масками добродушия.

– Ты говоришь сейчас, как психотерапевт. Как Хиро. Даже слушать смешно... Он втолковал в твою голову эту ерунду?

Марианна промолчала.

– Не уверен, что его психологические выдумки, типа наших откровенных разговоров, помогут. Каждый здесь одиночка, и каждый за себя. И правильно, потому что, так или иначе, мы так ничего друг о друге не знаем. Каждый здесь может оказаться не тем, кем представился и чью роль играет. Послушай меня, Марианна, будь на чеку, выкинь из головы такую лживую науку психологию и смотри в оба, не давая никому навязать что-то!

– О чем вы говорили? – скрипнула дверь, и на кухне появился Хиро.

– Мы размышляли, куда ты мог исчезнуть, – поспешно ответил Оливер, глядя как Марианна, волнуясь, начинает снова резать морковь. Теперь уже слишком мелко.

– У меня было важное дело, требовалось кое-что найти...

– Уверен, то, что нашел ты, ни в какое сравнение не идет с тем, что мы отыскиали. Правда, Марианна?

Она растерянно посмотрела на Оливера.

– Мы нашли вино. Да, довольно много вина.

– Я заметил его раньше вас, – серьезным тоном говорил японец. – А теперь я нашел Грейс.

– Что же, наверное, не так сложно отыскать кого-то человеку, который сразу смог определить, где здесь должно стоять вино, – пробубнила Марианна.

– Пора звать Грейс пробовать удивительно вкусное блюдо под названием «Осеннее изобилие», – заполнил Оливер мучительную паузу. – Конечно же, с вином.

– А видел ли ты этот компот, Хиро? – насмешливо спросила Марианна, и была удостоена сердитого взгляда.

Они вышли из кухни и направились к лестнице. На мягком, покрытом темным бархатом стуле их ждала Грейс. Она была ещё бледнее, чем обычно. Холодное, ничего не выражающее лицо, безжизненные, мраморно-белые руки, застывшие, стеклянные глаза. Умирающая и не умершая Грейс. Мертвая и живая в одно и то же время.

– Все уже определились с комнатами? – спросил Хиро, пока Оливер раскладывал салат по фарфоровым тарелкам. – Интересно послушать, кто какую выбрал. Я обошел только некоторые, но свою отметил сразу. Сам бы я никогда не выдумал такое.

В общем, она белая. Чисто-белая комната. Словно снег на вершине гор или пушистые облака далеко в небе. Она идеально белая. Плотно-белые стены, кристально-белые потолки и нежно-белая мебель. Когда я открыл дверь и увидел эту белизну, у меня даже дыхание перехватило... Как будто я попал на облако... Ноги утопали в мягком ковре, а глаза слезились от света, который источала комната. Хотя не трудно догадаться, что окон в ней нет. Свет был магически создан ей самой. Удивительно!

Там совсем мало мебели: сахарно-белый диван, стеклян-

ный столик с хрустальными вазами, заполненными молочным воском, и безупречно-белый строгий шкаф, где лежит махровый халат и тапочки под цвет. На стенах висят доски, обтянутые ярко-белой тканью, на ткани насыщенно-белыми крошками выложены цветы и пейзажи. Картины то кажутся незаметными, то, напротив, выставляют красоту напоказ, словно существуют отдельно от доски. Неземная комната...

Девушка в черном платье копалась в тарелке с овощами.

– Грейс, тот чулан, где я тебя нашел, случайно, не выбранная тобой комната? – прервал свой рассказ Хиро.

– Да, это немного темная комната. В ней почти нет света. Она понравилась мне загробным мертвым духом. Ничего живого и радостного. Тоска, мрак, смерть, – ответила девушка, нацепив на вилку кусок свеклы.

– Может, расскажешь нам о ней подробнее?

– Нет, не расскажу, – с расстановкой ответила Грейс, медленно отпивая вино из хрустального бокала.

– Хиро, – заговорил Оливер, – тебе надо отучаться от ужасной привычки – все выпрашивать. Это унижительно! Сейчас ты не психотерапевт, а мы не душевнобольные.

– Извините, издержки профессии.

– Мне кажется, что по выбранной комнате можно многое рассказать о человеке, – начинает Марианна, наливает в свой бокал вина и делает глоток.

– Эй, разве тебе есть восемнадцать, чтобы пить алкоголь? – воздух пронзают слова Оливера.

– Что, попалась? – Грейс толкает Марианну в бок.

Хиро прекращает есть и кладет вилку на стол.

– Я спрячу все ножи, мало ли что! – играет до конца Грейс и прибавляет пару колких словечек на американском сленге, чтобы никто не понял.

Марианна молчит. Ей приходит в голову, что все происходящее – просто сон. А во сне она может делать все, что угодно. Быть кем-то другим, решиться на такое, чего раньше всегда боялась.

– Что ты ко мне постоянно цепляешься? – отвечает она. – Так тошно без этого жить? Или с себя снимаешь подозрения?

– Я как открытая книга, Марианна, а, вот, ты – кот в мешке! – обиженная Грейс поглядывает на мужчин в поисках поддержки.

– Глупо спорить из-за глотка вина, – громко произносит Оливер. – Среди нас нет убийц!

– Отлично, – Хиро резко втыкает вилку в стол, но жест не получается эффектным, и столовый прибор падает, – все роли распределены!

Грейс картинно вздыхает. Ей уже надоело, что японец постоянно забирает внимание себе.

– Жертва, палач и спасатель, все на месте – ровным тоном говорит Хиро. – Мне уже осточертело бесплатно вкалывать психотерапевтом. Подожду, пока вы вынесете друг другу мозг!

Марианна встает из-за стола и выходит.

«Только во сне люди так легко меняют роли, ведь так?!» – думает она и возвращается обратно.

– Захватчу пару ножей, чтобы вы их не успели спрятать, – бросает Марьяна и снова выходит из комнаты.

– Два-то зачем? И одним справишься! – звонко звучит удаляющийся голосок Грейс.

Как давно заметили гости этого необычного дома и как, я надеюсь, отбросив все сумасшествие повествования, поняла ты, в доме было много дверей. Кажется, заказчик проекта был на них помешан. Он воспринимал двери не только, как нечто естественное, с помощью чего можно попасть из одной комнаты в другую, а как что-то волшебное. Вроде перехода между мирами или проводника для абсолютно непохожих пространств.

Каждая дверь была уникальна. Всякий раз, когда ты подходил к ней и нажимал на ручку, тебя охватывало необыкновенное ощущение чуда.

Дверь могла вывести в совершенно иной, противоречащий разуму мир, или наоборот, завести в самую обычную комнату, успокоить, примирить с собой.

Одни двери были мнимыми, умело нарисованными на стене. Другие оказались наглухо закрытыми и с забетониро-

ванными щелками. Даже не подглядеть, что внутри. Третьи, при попытке открыть, глухо шатались из стороны в сторону, но все равно не поддавались.

Марианну не покидало предчувствие чуда. Она стояла возле запертой двери и упрямо трясла ручку. Рядом то и дело возникал Оливер. Девушка была уверена, что его подослали специально, чтобы присматривать за ней.

Мужчина пробовал завязать разговор, но Марианна не поддавалась точно так же, как и дверь.

Тогда Оливер пропал, и девушка опасалась, что дом проглотит его, а потом неожиданно появлялся вновь, всегда прихватив что-нибудь в помощь. Сначала это был молоток, потом нож и садовые ножницы, затем причудливо скрученная скрепка.

Каждый раз у Марианны ничего не выходило. Тогда Оливер брался за дело сам, но вскоре прекращал, тоже не добившись результата.

– Дверь ходит ходуном, а мы все равно не способны её открыть, – сказала Марианна, вытащив из скважины изогнутую скрепку.

– Мне уже не кажется, что нужно её открывать. Если дверь не поддается, значит, мы ничего не добьемся, даже отворив её.

– Что, если за ней выход?

– Выход куда? В очередной дом?

Оливер еще раз стукнул по двери молотком.

– Даже выломать её не могу, полицейский чертов! – разозлился он. – Останемся здесь. Не такой скверный выбор: просторно и много еды.

– Это какой-то нереальный мир, – говорит Марианна, сползая по кривой стене на пол.

– Марианна в лабиринте комнат.

– Что, прости?

– Есть Алиса в стране чудес. А ты – Марианна в лабиринте комнат.

– Да, лабиринт, – она тянет слова, глядя на него снизу вверх. – Чтобы остаться на месте, нужно все время быть в движении? Кажется, так.

– Есть фильм, вроде канадский, где несколько незнакомых друг с другом людей оказываются в комнатах с разными смертельными ловушками. Они ищут выход. Многие погибают, а в конце оказывается, что для того чтобы выйти, им нужно было оставаться на месте. Так потеряв в бессмысленном поиске человечность, никто из них, по-моему, и не выбрался оттуда. Все умерли.

– Я не умру.

– Я не об этом. Нам стоит остаться здесь и прекратить постоянно искать выход, – Оливер прислоняется к стене. – На самом деле, можно найти в такой жизни достаточно плюсов!

Марианна хочет ответить, но замолкает. Слезы трудно сдержать. Она наклоняет голову и закрывает глаза.

– Если подумать, то сколько людей так и живет: в забитом

красивыми вещами склепе. Они тратят жизнь на то, чтобы поесть, поговорить, поругаться. Чем мы лучше других! Я и сам так жил.

– Ключ?! – вскочила Марианна. – У тебя был ключ!

– Какой ключ?

– Тот, который ты увидел в двери, ведущей на кухню в отеле. Это ключ от выхода! Дай мне его! Дай же!

– Он остался в моей комнате, на столе. Схожу за ним, так и быть. Но это будет последняя попытка, договорились?

– Да, – быстро ответила она, подумав, что попытка будет последней только для этой скважины.

Марианна, напряженно дыша, разглядывала стены, пол и потолок, стараясь не увидеть дверь. Оливер вернулся и протянул ключ. Мокрыми от пота руками она схватила его и нервно поднесла к исцарапанной скрепкой скважине. Одним ровным и четким движением ключ идеально вошел.

Девушка с идиотской улыбкой повернулась к изумленному Оливеру и повернула ключ. Дверь не поддавалась. Она снова повернула ключ, прокрутив его в скважине почти до конца. Дверь стояла намертво. Марианна не сдавалась, она крутила ключом то в одну, то в другую сторону, каждый раз сильно толкая дверь то вперед, то назад. Однако ничего не выходило.

– Ты себе руки в кровь сотрешь, Марианна, – оттащил её Оливер. – Этот ключ не подходит к двери. Успокойся. Он и не должен был открыть её. Ничего невероятного не произо-

шло! Так и должно быть. Как тебе могло прийти в голову, что ключ от одной двери может открыть другую?!

Она отвернулась и разревелась, утирая лицо красными болевшими руками.

– Мне иногда кажется, что ничего этого не существует... Всего-навсего сон, кошмар, моя галлюцинация...

– Это реальность, – он сильно встряхнул ее за плечи, и она стихла. – Ты делаешь одно и то же: находишь выход из замкнутого пространства, а потом снова попадаешь в тупик. Пора попробовать другой способ!

– Так, что ты предлагаешь?

– Останемся здесь, – Оливер убрал руки с ее плеч. – Не самый плохой вариант, подумай сама. Я бы веселил вас театральными этюдами. Хиро писал бы психологические книги. Грейс, наверняка, пришлось бы по душе возиться с дизайном интерьера. А ты? Не знаю... Ты бы тоже нашла подходящее занятие.

Марианна вытерла рукавом красные от слез глаза.

– И пара для каждого найдется. Мы, как героини в романе. Словно автор уже решил, с кем каждому из нас провести остаток дней, и ничего не поделать. Осталось только смириться с его выбором.

– Ага, как в гаденьком любовном романе, – Марианна шмыгает носом и уходит, прихватив ключ с собой.

Хиро с закрытыми глазами лежал в белом кресле. Он помнил, что лучше всего расслабляться в свободной позе. Руки и ноги не скрещены, раскинуты в стороны. Он медленно и глубоко дышал. Казалось, что он принимает солнечные ванны. Конечно, никакой свет не жег ему кожу. Только белизна убранства сияла так, что хотелось зажмуриться.

– Хиро, ты здесь? – он услышал голос Марианны.

Мужчина не вставая поднял голову и приоткрыл глаза. Девушка стояла в дверном проеме в обвисшем коричневом халате с пестрым рисунком.

Он знал за собой дурацкую привычку во всех узорах искать образы и придавать им смысл. Это все профессиональная деформация. Вот и сейчас, расфокусировав взгляд, Хиро увидел в ряби на халате завитки морских волн. Они играли друг с другом, словно дети, набрасывались одна на другую и отступали. Он еще больше разомлел, вспомнив запах настоящего моря, теплый песок и горячие лучи живого солнца.

Хиро пожалел, что Марианна нашла халат. Все-таки ночная рубашка изящно на ней просвечивала.

– Ты переоделась? – почти прошептал он, не желая расстаться хотя бы с крупицей расслабленного состояния.

– Да, искала себе комнату, а нашла халат. Теперь я девушка в халате, а не в ночной рубашке.

– Что-нибудь еще интересное произошло? – он вяло поддерживал разговор, сконцентрировавшись на мышечном

расслаблении.

Марианна, вместо ответа, громко вздохнула и подошла ближе к его креслу.

– А где все остальные? – небрежно бросил он.

– Я убила их и пришла убить тебя.

Дневник (День четвертый)

Я решила не останавливаться на достигнутом.

Если тесты не способны помочь выбрать профессию, надо обратиться к звездам.

Сегодня держу в руках другую книгу. Книгу со всякими гороскопами и предсказаниями!

Надо действовать, надо решать. Надо читать.

Я родилась второго апреля. Согласись, Матвей, что повезло: только один день отделял меня от праздника дураков). Я овен.

Между прочим, это очень крутой знак Зодиака. Не только потому, что именно я родилась под ним. Леонардо да Винчи, Екатерина Медичи, Бах, Гоголь, Чарли Чаплин тоже были овнами. Так что, я – супер.

А теперь – самое интересное: моя карьера.

Матвей, ты снова будешь смеяться! Здесь указано, что я одаренный писатель и оратор, что с успехом могу работать в области журналистики, телевидения и радио.

Бывает же! Мы ведь в самом начале выяснили, что литератор из меня никакой.

Ещё тут написано, что овны обычно знают свою профессию с детства.

Может быть, я не овен? Здесь указано, что я точно знаю, чего хочу, что я деятельна и мне постоянно не хватает времени. Я, видите ли, способна работать до изнеможения.

Но это совсем не я?!

Нет.

Я люблю сидеть и ничего не делать. Обожаю лежать и думать о том, в чем абсолютно не разбираюсь. Я не люблю действовать и совершенно не хочу ничего решать. Я совсем не похожа на овна.

Еще написано, что могла бы с успехом работать в области хирургии, военного дела и юриспруденции. Это шикарные профессии, Матвей, но если я не похожа на овна, разве его профессии должны мне подойти?

Я совсем не та, какой обязана быть.

Или я настолько ленива?

Матвей, будем думать здраво. В медицинский институт никак не поступить, я слишком глупа.

В армию? Ты представляешь меня в армии? Такую грязную, в пестрых штанах? Там из меня точно сделают овна! Матерого такого овна!

Пойду на юриста. Буду адвокатом...

Мне будут давать взятки, а я буду отказываться их брать. Тогда мне будут подкидывать деньги и обвинять во взяточничестве, а потом будут похищать моих детей и требовать, чтобы я отказалась от своего клиента. Наверное, так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.